

СТЕФАН АНХЕМ

ДЕВЯТАЯ МОГИЛА

МЕТАСКАНДИНАВСКИЙ НУАР С ВЕЛИКОЛЕПНЫМИ ПЕРСОНАЖАМИ
И ИЗОБРЕТАТЕЛЬНЫМ СЮЖЕТОМ.

SUNDAY TIMES

Стефан Анхем
Девятая могила
Серия «Триллер по-скандинавски»
Серия «Фабиан Риск», книга 2

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43661667
Девятая могила: АСТ; М.; 2019
ISBN 978-5-17-107493-7

Аннотация

В холодном зимнем Стокгольме бесследно исчезает Министр юстиции Швеции. В не менее холодном Копенгагене убивают жену телезвезды. В Швеции за дело берется Фабиан Риск, в Дании – Дуня Хоугор. Никто не думает, что эти преступления могут быть связаны. Однако и там, и там появляются все новые и новые мертвые тела, и постепенно становится ясно, что все нити сводятся к одной точке. Фабиан и Дуня – лишь маленькие пешки в огромной, запутанной игре. Действие «Девятой могилы» разворачивается за полгода до событий «Жертвы без лица». Стефан Анхем, архитектор сложных сюжетов, раскрывает свой талант с новой стороны и позволяет по-новому взглянуть на героев.

Содержание

Пролог	6
Часть I	13
1	14
2	20
3	31
4	42
5	50
6	53
7	62
8	71
9	77
10	84
11	93
12	97
13	105
14	112
15	116
16	120
17	129
18	134
19	136
20	143
21	145

22	147
23	159
24	163
25	167
26	172
27	177
Конец ознакомительного фрагмента.	179

Стефан Анхем

Девятая могила

© Stefan Ahnhem 2015

© Серебро Е., перевод, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Пролог

14 июня 1998 г. – 8 ноября 1999 г.

Было до того темно, что он едва видел. К тому же автозак, пробирающийся по этим глухим местам, трясло так сильно, что буквы, которые он пытался вывести, было почти невозможно разобрать. Но ничего не поделаешь. Это его последний шанс – надо успеть записать все до того, как под ним растечется большая лужа крови. Рассказать о том, как влюбленность заставила его отказаться от всего и броситься в неизвестность. О том, как свои подстрелили его и взяли в плен, а теперь везут на верную смерть.

Ручка была у него с тех пор, как он покинул израильский военный лагерь у блокпоста в Хувваре и отправился в неподконтрольные части Западного берега. Бумагой ему служили несколько пустых страниц из дневника, найденного им в рюкзаке Тамира, где также лежал использованный конверт, который можно было вывернуть наизнанку. Дописав письмо, он сложил страницы окровавленными руками, положил в конверт и попытался его заклеить.

У него не было ни марки, ни адреса получателя. Одно только имя. И тем не менее, он без колебаний просунул пись-

мо в узенькую щель и отпустил его. Если на то будет божья воля, письмо дойдет, подумал он, и на него навалилась усталость.

Не успел конверт коснуться земли, как его подхватил сильный ветер и унес высоко-высоко к черному беззвездному небу, откуда еще одна непогода только что обрушилась на Эбал и Гаризим – горы на окраине города Наблус. Промежутки между сверкающими молниями и глухими раскатами грома становились все короче. В воздухе пахло дождем; казалось, еще несколько секунд, и он прибьет конверт к земле и превратит сухую землю в сырую глину. Но дождь так и не пошел, и окровавленный конверт с написанным от руки письмом поднялся высоко над горами и перелетел границу с Иорданией.

Саладин Хазайме лежал на расстеленной подстилке и смотрел на небо, где робко начал заявлять о себе рассвет. Сильный ветер после ночной непогоды наконец стих – похоже, впереди был прекрасный день.

Солнце словно решило провести на небе генеральную уборку к его семидесятилетию. Но не это занимало мысли Саладина Хазайме. Хотя день рождения и был основной причиной его десятидневного паломничества, он был сосредоточен совсем на другом.

Сначала ему показалось, что на высоте в несколько тысяч метров летит самолет, но потом он решил, что, наверное, это

птица с раненым крылом. А сейчас он вообще не знал, что падало с неба примерно в пятидесяти метрах от него, время от времени поблескивая в лучах солнца.

Саладин Хазайме встал. Его поразило, что боль в спине, которую он обычно испытывал по утрам, как рукой сняло. Он поспешно скатал свою подстилку и положил в рюкзак. Что-то должно произойти. Что-то очень значительное. И он почувствовал прилив энергии.

Это не что иное, как знак свыше. Явление Бога, в которого он верил столько, сколько себя помнил, и который теперь говорил, что он на правильном пути. Бога, чей сын в день своего семидесятилетия решил пройти по Его стопам весь путь до Иерусалима от Галилейского озера.

Вчера он посетил святую пещеру в Анджаре с целью провести ночь именно там, где ее провел Иисус вместе с апостолами и девой Марией. Но его обнаружили охранники, и ему пришлось спать под открытым небом. Но во всем явно есть смысл, подумал Саладин и легким шагом поспешил по бугристой земле к оливковому дереву, в ветвях которого застрял божий знак.

Подойдя поближе, он увидел, что это конверт.
Конверт?

Сколько Саладин ни пытался, он не мог объяснить логически, откуда взялся конверт, и наконец решил, что для ответа достаточно – *с небес*. И, может быть, был не так уж и неправ, поскольку слышал свой внутренний голос, повторя-

ющий, как мантру, как важно ему позаботиться о конверте. Таков замысел. Именно это и ничто другое – подлинный смысл его паломничества.

С нескольких попыток ему удалось сбить конверт камнем и поймать его до того, как тот упал на землю. Конверт был грязный и во многих местах протерся до дыр. Он выглядел так, словно пережил конец света. К тому же он весил больше, чем ожидал Саладин.

Все сомнения как рукой сняло.

Бог избрал его.

Это не просто конверт.

Саладин осмотрел его с обеих сторон в поисках зацепок, но ничего не нашел, кроме имени, выведенного маленькими корявыми буквами.

Аиша Шахин

Саладин Хазайме сел на камень и с трудом выговорил имя, но оно ему ничего не сказало. После некоторых колебаний он достал нож и осторожно вскрыл конверт. Невольно задержав дыхание, он вынул и развернул письмо, испещренное знаками, которые образовывали длинные ряды слов.

Он смог понять только, что это иврит. Но как ему, едва умеющему читать по-арабски, разобрать вот это?

Что Бог хочет сказать? Наказать его за то, что ему так и не удалось научиться читать? Или письмо предназначено вовсе не ему? Является ли он всего лишь незначительным посредником, чья единственная задача – отправить письмо даль-

ше? Он безуспешно пытался побороть в себе разочарование, пока складывал письмо, помещал его обратно в конверт и продолжал свое странствие на север в сторону Аджлуна, где неохотно бросил его в почтовый ящик.

Многие наверняка бы посчитали, что Халид Шавабке ведет себя непорядочно и поступает глубоко аморально. Сам же он не испытывал ни малейшего угрызения совести, когда откладывал в сторону конверты без марок, отправителя или полного адреса. Письма, оформленные не по правилам, – его собственность. Эту практику он без исключений применял все сорок три года работы сортировщиком почты.

У него дома было несколько ящиков с заблудившимися письмами, и больше всего на свете он любил достать наугад какое-нибудь письмо и ознакомиться с мыслями, предназначенными кому-то другому. Но именно этот конверт был более чем необычным.

Налет патины свидетельствовал о том, что письмо проделало долгий путь. Вдобавок его уже кто-то вскрывал, не тронув содержимого.

Оставив ему и только ему.

Ровно на девяносто восемь минут раньше, чем обычно, Халид Шавабке был дома и запер дверь изнутри. Чтобы выиграть время, не стал пить чай, хотя у него было печенье «Хариса», и почти бежал домой всю дорогу от автобусной остановки. Он совсем запыхался и почувствовал, как через

слишком тесную синтетическую рубашку проступает пот.

Ужин подождет. Вместо этого он налил бокал вина из бутылки, спрятанной на книжной полке за книгами, сел в кресло, зажег торшер, достал конверт и с благоговением развернул письмо.

«Наконец-то», — подумал он и потянулся за вином, будучи в счастливом неведении, что тромб, который в течение нескольких лет образовывался в его левой ноге, оторвался и вместе с кровотоком попал в легкие.

Хотя прошло больше года с тех пор, как дядя Марии скончался от легочной эмболии, она не переступала порог его дома. Два ее брата опротестовали завещание и делали все, чтобы заставить ее отказаться от наследства. Даже собственный отец попытался убедить ее в том, что Халид Шавабке все время жил один и, в конце концов, лишился разума, и что женщины никогда не были и не будут созданы для того, чтобы владеть имуществом и управлять им.

Но Мария стояла на своем и теперь, наконец, смогла вставить ключ в замок и открыть дверь. Вдобавок ко всему она перестала общаться с родителями и с обоими братьями, но ничего не поделаешь. Теперь надо освободить дом и продать его. На деньги от продажи дома она сможет уйти из пошивочной мастерской, переехать в Амман и начать бороться за права женщин в Иорданской национальной женской комиссии.

Этого не должно было произойти. Не было никаких признаков того, что письмо когда-либо дойдет от адресата. При таком количестве препятствий вероятность была настолько мала, что ее нельзя было принимать во внимание.

И все же именно так и случилось.

Спустя год, четыре месяца и шестнадцать суток после того, как письмо просунули в щель автозака и его подхватил ветер в черной ночи, его нашла Мария Шавабке, и спустя несколько часов ей чудом удалось собрать воедино фрагменты письма, на конверте которого ничего не было, кроме имени.

Прочитав чудовищный рассказ, она не спала три ночи, а затем написала на конверте полный адрес, найденный в интернете, наклеила марки и отнесла на ближайшую почту. Не имея ни малейшего понятия о последствиях.

Аиша Шахин

Ул. Сельмедальсвеген, 40, 7-й этаж

129 37 Хегерстен

Швеция

Часть I

16–19 декабря 2009 г.

«Многие от моих действий придут в ужас. Некоторые сочтут их мстью за все нанесенные мне обиды. Другие – невероятной игрой, чтобы обмануть систему и показать, как далеко можно зайти. Но большинство трогательно сойдутся во мнении, что это деяния крайне больного человека.

И все будут неправы...»

Два дня назад

Софи Леандер сидела в комнате ожидания отделения УЗИ Южной больницы и листала замусоленный экземпляр журнала «Мы – родители», развороты которого пестрели снимками красивых и счастливых мам и пап. Больше всего на свете ей хотелось стать одной из таких мам. Но после всех бесполезных курсов приема «Перготайма» она начала сомневаться в том, что когда-нибудь сможет забеременеть.

Это ее самый последний шанс. Если окажется, что и на этот раз лекарство не дало никакого результата, ей останется только сдаться.

Что, похоже, ее муж уже сделал. А ведь он обещал быть с ней рядом, как только он ей понадобится. Она включила мобильный и снова прочла его сообщение. «Возникли кое-какие обстоятельства, и, к сожалению, я не успею». Словно речь шла о покупке пакета молока по дороге с работы домой. Он даже не удосужился написать «удачи».

Она надеялась, что переезд в Швецию три года назад даст новый импульс их чувствам. Тем более что он даже решил взять ее фамилию. Тогда она расценила это как объяснение в любви. Как доказательство того, что, как бы там ни было,

их на свете двое. Теперь она уже не была полностью уверена и не могла отделаться от ощущения, что они все больше отдаляются друг от друга. Она пыталась обсудить с ним это, но он совершенно ее не понимал и упорно клялся в своей любви. Хотя она видела по его глазам. Или, точнее, по тому, как он отводил глаза.

У того, кто некогда спас ей жизнь, теперь вдруг возникли *кое-какие обстоятельства*, и он едва смотрит в ее сторону. Ей хотелось позвонить и прижать его к стенке. Спросить, не разлюбил ли он ее. Не встретил ли другую. Но она не решалась. К тому же она не сомневалась в том, что он все равно не подойдет к телефону. Он почти всегда так делал, когда работал, особенно сейчас, в разгар своего нового проекта. Нет, ее единственный шанс – положительный ответ врача. Как только она его получит, все наладится. Она сможет дать ему этого ребенка, и муж поймет, как сильно он на самом деле ее любит.

– Софи Леандер.

Ее вызвали, и она пошла за акушеркой по коридору. Та привела ее в маленький смотровой кабинет со спущенными жалюзи, большим аппаратом, напоминающим компьютер, и больничной койкой.

– Можете повесить верхнюю одежду вот на тот крючок, а сами ложитесь на койку. Врач придет с минуты на минуту.

Софи кивнула, сняла пальто и стала стягивать сапоги. Тем временем акушерка вышла из кабинета. Она легла на койку,

подняла блузку и расстегнула брюки. Она решила все равно позвонить ему и спросить, из-за каких таких важных дел он не смог быть вместе с ней. Но она успела только потянуться за сумкой, как открылась дверь и вошел врач.

– Это вы Софи Леандер?

Софи кивнула.

– Хорошо, тогда посмотрим... Для начала лягте на бок спиной ко мне.

Софи сделала, как ей велели, и услышала, что за ее спиной врач открыл какую-то пластиковую упаковку. Она не могла точно сказать, в чем дело, но чувствовала: тут что-то не так.

– Меня прислали сюда на обследование яичников.

– Конечно. Но сначала мы должны кое-что сделать, – сказал врач и начал нажимать пальцами ей на позвонки.

Внезапно у нее кольнуло в спине.

– Подождите. Что вы делаете? Вы сделали мне укол? – Софи перевернулась и увидела, как врач кладет что-то в боковой карман брюк. – Я должна знать, что...

– Вам совершенно не о чем беспокоиться. Самая обычная рутина. Это ваши вещи? – врач показал на ее пальто и сапоги и, не дожидаясь ответа, положил их у нее в ногах. – Лучше ничего не забывать. Иначе что тогда получится?

Софи не первый раз обследовали яичники ультразвуком, но такого точно не было. Она понятия не имела, что происходит. Она не сомневалась только в том, что больше не хочет в этом участвовать. Что хочет уйти отсюда. От врача и

из смотрового кабинета. И вообще из больницы.

– Думаю, мне лучше уйти, – сказала она и попыталась встать. – Я хочу уйти, слышите? – Но тело ее не слушалось. – Что происходит? Что вы сделали?

Врач наклонился к ней, улыбнулся и погладил ее по щеке.

– Вы скоро поймете.

Софи попыталась протестовать и закричать как можно громче. Но дыхательная маска, которую натянули ей на лицо, поглотила все звуки, и не успела она и глазом моргнуть, как койку сняли с тормозов, выкатили из смотрового кабинета и повезли дальше по коридору.

Если бы она только могла за что-то ухватиться, за что угодно, и стащить себя с койки, чтобы все поняли, что происходит. Но ничего не получалось. Она только могла лежать, уставившись в потолок, где одна лампа дневного света сменяла другую.

Еще лица. Повсюду беременные мамы и будущие папы. Акушерки и врачи. Все так близко и одновременно так далеко. Звук открывающихся дверей. Лифт и голоса других посетителей. Двери лифта, которые закрылись за ней. Или открылись?

И вот она опять наедине с врачом, который насвистывает мелодию, эхом отдающуюся от толстых стен. Это единственное, что она может слышать. Кроме своего собственного дыхания, напоминающего о детстве, когда она болела астмой. Иногда ей приходилось прерывать игры и хватать ртом воз-

дух, и она чувствовала себя совершенно беспомощной. Сейчас она была такой же маленькой и беззащитной, и больше всего ей хотелось сдаться и расплакаться. Но она не могла даже этого.

Лампы на бетонном потолке остановились, и она увидела, как ее ноги переложили на носилки, а вслед за ними и верхнюю часть туловища. «Вы скоро поймете», – сказал врач. Каким образом она сможет понять? Она вспомнила о пластическом хирурге из Мальме, который впрыскивал что-то своим пациентам, чтобы они не могли оказать сопротивление, когда он их насиловал. Но почему кому-то захотелось ее изнасиловать?

Ее внесли в карету скорой помощи ногами вперед, и она решила сосредоточиться на звуках. Дверь со стороны водительского сиденья закрылась, и завелся двигатель. Они тронулись и свернули на запад на улицу Рингвеген, а потом двинулись по улице Хорнsgатан в сторону района Хорнстуль, откуда выехали из города по мосту Лильехольмсбрун. До этого момента она без проблем следила за своим передвижением. Стало труднее, когда они заехали на развязку, делая один виток за другим, и постепенно Софи перестала ориентироваться в пространстве.

Примерно через двадцать минут они притормозили и остановились. Они могли вернуться в больницу с тем же успехом, что и приехать в любое другое место. Она услышала, как открываются гаражные ворота, скорая проезжает еще

около тридцати метров, а потом глохнет двигатель.

Двери открываются, ее вытаскивают из машины и везут дальше на каталке. На потолке лампы дневного света опять сменяют друг друга. Ход ускоряется; шаги врача отзываются эхом и, в конце концов, останавливаются. Звяканье ключей и отрывистый звук, после чего начинает работать электродвигатель.

Ее вкатили в темную комнату, и, судя по звуку, за ней что-то закрылось. На потолке зажглась яркая лампа, осветив удлинённый стол. Софи не смогла разглядеть, каких размеров комната и есть ли в ней окна. Она видела только лампу и стол, вокруг которого стояло несколько аппаратов. Ее подкатили к столу, и тогда она заметила, что он обернут полиэтиленовой пленкой, снабжен крепежными ремнями, а немного ниже середины в столешнице проделана дырка диаметром примерно десять сантиметров. Рядом находится металлический стол, покрытый белым полотенцем, на котором в ряд лежат хирургические инструменты.

Только теперь до Софи Леандер дошло, в чем дело.

Увидев все эти ножницы, зажимы и скальпели, она прекрасно все поняла.

Почему ее увезли.

И что ее ждет.

Фабиан Риск прочел сообщение еще раз и только потом оторвал глаза от мобильного. Его встретил вопросительный взгляд классной руководительницы.

– Мне жаль, но, похоже, она не сможет прийти.

– Вот как? Ну, ладно, – классная руководительница явно дала понять, что она думает на этот счет.

– А что, мамы не будет? – У Матильды был такой вид, словно она скорее прыгнет с моста Вестербрун, чем согласится на проведение беседы с родителями без Сони. И Фабиан ее понимал. Последнее время он по разным причинам пропускал эти беседы, и хотя Матильда уже училась в третьем классе, даже не помнил, как зовут классную руководительницу.

– Матильда, к сожалению, маме надо работать. Ты ведь знаешь, как бывает перед открытием выставки.

– Но она же обещала прийти.

– Я знаю. Уверяю тебя, она так же расстроена, как и ты. Но уверен, что все пройдет хорошо. – Он потрепал дочь по голове, ожидая поддержки от классной, но та в ответ улыбнулась такой ничего не значащей улыбкой, словно они играли в покер.

– Перестань, – Матильда отвела его руку и поправила розовые заколки в темных волосах до плеч.

– Что касается мотивации Матильды к учебе и способности следить за ходом уроков, то тут все учителя отзываются только положительно. – Классная листала свои бумаги. – По шведскому и математике она одна из лучших... – Она замолчала, посмотрев на мобильный Фабиана, который завибрировал на столе.

– Извините, – Фабиан перевернул мобильный и, к своему удивлению, увидел, что звонит Херман Эдельман – его давний начальник в Государственной криминальной полиции в Стокгольме. Несмотря на свои шестьдесят лет, Эдельман всегда был в курсе всех дел и до сих пор остался поборником правды. Честно говоря, если бы не Эдельман, Фабиан не стал бы хорошим следователем.

Но именно сегодня начальника не видели в отделе после обеда, и во время вечерней кофе-паузы ни Фабиан, ни остальные сотрудники по-прежнему ничего о нем не слышали и заволновались, а вдруг с ним что-то случилось.

А теперь он звонит. К тому же после окончания рабочего дня, что может означать только одно.

Что-то наверняка случилось.

Что-то неотложное.

Фабиан хотел было ответить, но классная кашлянула.

– Времени у нас в обрез. Вы не единственные, с кем я сегодня провожу беседу.

– Извините, на чем мы остановились? – Фабиан отклонил разговор и отложил телефон.

– Матильда. Ваша дочь. – Классная выдавила из себя улыбку. – Как я уже сказала, все учителя отзываются о ней только положительно. Но... – Она посмотрела Фабиану в глаза. – Если это возможно, я бы хотела поговорить с вами наедине.

– Вот как? Хорошо. Это вполне возможно. Или как, Матильда?

– А о чем вы будете говорить?

– Конечно, о взрослых вещах. – Фабиан повернулся к классной, которая с улыбкой кивнула. – Ты подожди в коридоре, я скоро выйду.

Матильда вздохнула и вышла из класса, демонстративно волоча ноги. Фабиан посмотрел ей вслед, не переставая размышлять о том, что от него хочет Эдельман.

– Ну, дело вот в чем. – Классная положила сложенные руки на стол. – Я слышала от разных людей, что есть серьезные признаки того, что Матильда... – Ее опять прервал вибрирующий мобильный Фабиана, и теперь она не смогла скрыть раздражения.

– Вы меня извините, но, честно говоря, я не знаю, что происходит. – Он поднял мобильный и повернул его. На этот раз звонила его коллега Малин Ренберг, которая находилась в Копенгагене на семинаре. Наверное, Эдельман потом позвонил ей, считая, что до нее легче дозвониться. – Извините, но мне ничего не остается, кроме как...

– Ладно. Давайте на этом прервемся, – сказала классная

и стала собирать свои бумаги.

– Подождите. Разве мы не можем просто...

– В нашей школе мы категорически запрещаем пользоваться мобильными на уроках, и я не вижу никаких оснований вводить для взрослых особые исключения из правил. – Она продолжила собирать бумаги и класть их в портфель. – Проводите свои важные разговоры, а я встречусь с теми, кто интересуется собственными детьми. Хорошего продолжения вечера. – Она встала.

– Подождите, это какое-то недоразумение, – сказал Фабиан. Мобильный тотчас замолчал. Автоответчик. Пусть наговорят о том, что случилось, на автоответчик. – Извините. Разумеется, я пришел сюда ради Матильды, а не ради чего-то еще.

Женщина, чье имя он забыл, посмотрела на него почти с презрением.

– Хорошо. – Она опять открыла портфель и достала папку Матильды. – Обычно мы в такие дела не вмешиваемся. Но в случае с вашей дочерью это представляется чрезвычайно важным, потому что если мы в ближайшее время ничего не предпримем, это может сказаться на ее учебе.

– Извините, но я не знаю, правильно ли я понимаю. Предпримем что?

Классная положила на стол рисунок.

– Вот одна из ее последних работ. Ну, сами видите.

Фабиан узнал себя по козлиной бородке, которую сбрил

несколько недель назад. Напротив него стояла Соня с кухонным ножом в руке. Оба, с пунцовыми лицами, кричали во все горло. Он вспомнил, как усомнился, действительно ли ей необходимо так много работать по вечерам. Соня завелась и в ответ припомнила ему все его ночные переработки за последние годы, обвинив его в том, что он считается только с собственными потребностями.

А ведь они договаривались никогда не ссориться в присутствии детей. Хуже того: в разгаре страстей он еще и пригрозил ей разводом.

– Даже не знаю, что сказать. Это, это...

– А вот еще один рисунок, – прервала его классная.

Этот рисунок изображал контрастные обои у кровати в комнате Матильды, а в нижней части – точно как в жизни – на подушках в ряд сидели ее мягкие игрушки. Фабиан не мог не восхититься тем, как хорошо дочь рисует, но одновременно из всех сил старался разобрать, что написано в словесных пузырях, которые иллюстрировали ссору, происходящую за стеной. В этот раз речь шла о сексе, и, насколько он мог видеть, некоторые реплики были до боли правдоподобны.

Больше всего он хотел провалиться сквозь землю и исчезнуть отсюда.

– Конечно, отчасти это фантазии и преувеличения, я тоже это понимаю. Но эта тема проходит через все, что Матильда сейчас делает, и я решила, что вам не помешало бы об этом

знать. Во всяком случае, мне бы этого хотелось, если бы речь шла о моем ребенке.

– Разумеется, – отозвался Фабиан и попытался скрыть вибрацию мобильного в своей руке.

Выходя из школы, Фабиан позвонил Эдельману, но у того было занято.

– Видишь, Матильда, сколько снега намело, – он посмотрел на школьный двор, засыпанный толстым слоем свежеевыпавшего снега. – Здорово, правда? Завтра будете лепить снеговиков.

– Это просто слякоть, – сказала Матильда, спускаясь по лестнице.

– Матильда, подожди, – Фабиан догнал ее. – Ты что, боишься, что мы с мамой разведемся?

– Так вот вы о чем говорили.

– Что? Так ты волнуешься?

Ничего не ответив, Матильда побежала к машине, стоявшей на другой стороне улицы.

Фабиан поднял вверх ключ от машины и разомкнул центральный замок, чтобы дочь могла запрыгнуть в машину и усестся. На самом деле ему хотелось поскорее к ней присоединиться, но он не знал, что сказать. Она ведь права. Если так будет продолжаться, рано или поздно явное фиаско станет фактом. Хотя он обещал не столько Соне, сколько самому себе никогда не идти по стопам своих родителей. Что бы

ни случилось. Как бы трудно им ни пришлось. Ничто и никогда не заставит его перестать бороться и сдаться.

А сейчас он не был так уверен.

Хотя шины сдулись, он продолжал ездить на ободах так долго, что теперь сомневался, можно ли отремонтировать рваные колеса. Вздохнув, он встал посреди школьного двора, достал мобильный и набрал номер Малин Ренберг.

– Фабиан, что ты там делаешь? Тебя спасет только то, что между нами шестьсот километров.

Сейчас лучше всего промолчать и дать ей возможность выговориться.

– Ты не понимаешь, что Херман вцепился в меня, как пиявка, только потому, что ты не соизволил взять трубку? Как будто я его секретарша. Да, я знаю, что никому и дела нет, но я сейчас в Копенгагене на действительно очень интересном семинаре.

– Хорошо, а ты знаешь, почему...

– Но кровати тут жуткие. Вдобавок меня всю раздуло, и я постоянно потею.

– Я понимаю, но...

– И мне плевать, что осталось два месяца. Если эти ребята не выйдут из меня в ближайшее время, я за себя не ручаюсь. Алле? Фабиан? Ты меня слышишь?

– Он сказал, в чем дело?

– Нет, или я не знаю. Явно что-то очень важное. Но у меня есть предложение.

– Выкладывай.

– В следующий раз, когда он позвонит, попробуй ответить.

В трубке щелкнуло, и Фабиан не смог не согласиться. Он также надеялся, что беременность коллеги скоро закончится. Через пятнадцать секунд пришло СМС, где Малин просила прощения за свой грубый тон и обещала снова стать самой собой, как только «эта проклятая беременность» закончится.

Фабиан сел за руль и посмотрел на Матильду в зеркале заднего обзора.

– А не заехать ли нам в «Ciao Ciao» за пиццей?

Матильда пожала плечами, но он увидел, как она просияла, хотя делала все, чтобы скрыть это. Он повернул зажигание и выехал на улицу Мария Престгордсгатан, одновременно вновь пытаясь дозвониться Эдельману.

– Привет, Херман, я видел, что ты звонил.

– Полагаю, мне надо благодарить Малин.

– Я был в школе на беседе с родителями, и только сейчас...

– Да-да, все в порядке. Я звонил потому, что меня вызвали в Полицию безопасности сегодня в восемь вечера, и я бы хотел, чтобы ты пошел со мной.

– Сегодня вечером? Прости, но я один с детьми. Почему так важно, чтобы именно я...

– Кто стоит у руля: ты или я?

– Я не хотел сказать...

– А теперь послушай. Перссон и Пяивинен только что вышли на след в деле Адама Фишера, а Хеглунд и Карлен по уши заняты разработкой Диего Аркаса. Только у тебя с Ренберг сейчас нет ничего конкретного. И насколько я знаю, Ренберг находится в Копенгагене.

– Хорошо, но ты можешь рассказать, что случилось?

– Полагаю, что именно это мы и узнаем. Встречаемся у входа без пяти восемь. А теперь пока.

Фабиан вытащил из уха наушники и свернул на улицу Нюторгсгатан. Его пути пересекались с Полицией безопасности отнюдь не в первый раз. Но его никогда не приглашали на встречу после окончания рабочего дня, поскольку, наверное, он занимает одну из самых нижних ступеней иерархической лестницы. Зато Херман Эдельман бывал там постоянно и не упускал случая подчеркнуть, что если хочешь пережить заседание в Полиции безопасности, надо сидеть спиной к стене.

А теперь он хочет взять с собой Фабиана.

– Нет, не получится, Фабиан. К сожалению. Тебе придется выходить из положения как-нибудь по-другому.

– Что значит «как-нибудь по-другому»? Что ты хочешь этим сказать? – спросил Фабиан, глядя на покрытые снегом коньки крыш и слыша, как Соня делает очередную глубокую затяжку и выпускает дым на одном дыхании – верный при-

знак ее дурного настроения.

– Не знаю. Придумай что-нибудь. У меня больше нет времени говорить.

– Подожди, – сказал Фабиан и увидел в отражении в окне, что Матильда сидит на кухне и слушает их. Он взял пульт, включил телевизор и увеличил громкость.

«Через восемь дней после бесследного исчезновения молодого олигарха Адама Фишера полиция заявила, что речь идет о похищении...»

– Соня, это не мое решение. У меня нет выбора.

– Ты хочешь сказать, что у меня он есть?

«В нашей студии профессор по уголовному праву Герхард Ринге...»

– Я что, должна бросить кисти и сказать Эве: извини, выставки не будет?

– Нет. Но...

– Вот именно.

– Пожалуйста, успокойся.

«Что заставило полицию сообщить эту информацию и почему мы все еще ничего не слышали о сумме выкупа?»

– Я спокойна, – сказала Соня, совершенно не скрывая, что снова затянулась. – Я только не понимаю, почему возникла такая проблема только из-за того, что раз в жизни мне надо поработать.

– Ладно, как-нибудь выйду из положения. Ты хоть примерно представляешь, когда придешь домой?

– Да. Когда закончу. И, пожалуйста, не спрашивай меня когда, поскольку я понятия не имею. Я только знаю, что с каждой секундой все больше и больше ненавижу эти картины. – Новый вздох и новая затяжка. – Прости... Я просто очень расстроена, и мне так и хочется плюнуть на все это.

– Любимая. Все образуется. Так бывает перед каждой твоей выставкой, а потом ты вдруг точно знаешь, как должно быть, и все идет как по маслу.

– Посмотрим, как будет на этот раз.

– Я что-нибудь устрою. Не думай об этом.

– Хорошо.

– Я люблю тебя.

– До встречи.

Фабиан сел на кухне рядом с Матильдой и взял свою пиццу.

– Как тебе банановая пицца?

– Нормально. Послушай.

– Что?

– Мама тоже сказала, что она тебя любит?

Фабиан встретился с дочерью взглядом, придумывая, что сказать.

– Нет, не сказала.

– Наверное, из-за стресса.

Фабиан кивнул и откусил большой кусок давно остывшей пиццы.

Фабиан не в первый раз был в Полиции безопасности. Но раньше он никогда не проходил через такое количество турникетов и не оказывался так далеко от входа, что в конце концов перестал ориентироваться. Спустя несколько лифтов и коридоров без окон его и Хермана Эдельмана, который вопреки своему обыкновению не проронил по дороге ни слова, ввели в большой зал со слабым освещением.

Прямо перед тем как Фабиану пришлось уйти, Теодор вернулся домой с флорбола и после быстрых переговоров согласился позаботиться о Матильде и проследить за тем, чтобы она легла спать. Несмотря на обычный вечер среды, Фабиан дал добро на чипсы, лимонад и просмотр фильмов в их спальне. Взамен он только потребовал, чтобы дети ничего не рассказывали Соне и чтобы Матильда не рисовала это в школе.

– Наверное, вы Херман Эдельман и Фабиан Риск, – вышедшая из темноты женщина пожала им руки. – Добро пожаловать. Андерс Фурхаге и остальные уже ждут вас.

Женщина провела их дальше вглубь зала, и когда глаза Фабиана привыкли к темноте, он разглядел темные кубы, свободно парившие в нескольких метрах над полом. Он знал о помещениях, безопасных для прослушивания, которые, как поговаривали, уменьшили бюджет Полиции безопасно-

сти на десятки миллионов, но первый раз видел их воочию. Зато Эдельман и усом не повел. Он только протер свои маленькие круглые очки носовым платком и пошел вперед. Фабиан не видел своего начальника таким серьезным и мрачным с тех пор, как его жена умерла от рака вот уже почти десять лет назад.

– Дайте, пожалуйста, ваши мобильные телефоны, – сказала женщина, остановившись у лестницы, которая вела к одному из напоминающих люльки кубов. Открытая дверь куба толщиной в несколько десятков сантиметров говорила о его герметичности.

Они сделали, как им велели, поднялись по лестнице и вошли в куб с коричневыми стенами и темно-красным ковровым покрытием. За овальным столом из ореха, на котором стояли стаканы и бутылки с минеральной водой, сидели трое мужчин в костюмах, с галстуками трех разных цветов. Фабиан сразу же узнал генерального директора Андерса Фурхаге – пока тот вставал, чтобы поприветствовать их, дверь за ними мягко закрылась.

– Как хорошо, что вы смогли сразу же прийти. Я уверен, вы поняли, что все, что будет сказано на этой встрече, носит строго конфиденциальный характер. – Фабиан и Эдельман кивнули и сели.

– Давайте перейдем прямо к делу, – сказал Андерс Фурхаге, посмотрев им в глаза. – Тут возникла одна, так сказать, критическая ситуация. Впрочем, на поверку она может ока-

заться незначительным пустячком.

Фабиан бросил взгляд на Эдельмана, который явно был в таком же недоумении, что и он сам.

– Мельвин Стенберг отвечает за личную охрану и может рассказать больше, – продолжил Фурхаге и кивнул в сторону мужчины в синем галстуке.

– Сегодня в 15:24, примерно через час после окончания депутатских дебатов в здании Риксдага, Карл-Эрик Гримос выходил из Депутатского здания через левое фойе, у выхода из которого его ждала машина. По словам нашего водителя, Гримос из здания так и не вышел, и с тех пор его не видели.

– Подождите, вы хотите сказать, что исчез сам министр юстиции? – спросил Эдельман.

Стенберг поправил галстук и коротко кивнул.

– Мы осмотрели кварталы вокруг зданий канцелярии и правительственного здания Русенбад, а также связались с его семьей и начальником штаба министерства юстиции, – сказал мужчина в зеленом галстуке. – Но на данный момент никто ничего не знает.

Наступила тишина, словно всем – даже трем галстукам – требовалось время, чтобы осознать тот факт, что один из самых высокопоставленных министров страны, в конечном итоге отвечающий за их деятельность, бесследно исчез.

– И ты называешь это *пустяком*? – Эдельман покачал головой.

– Херман, я говорил совсем не это, – Фурхаге улыбнулся

Эдельману. – Давайте не будем цепляться за слова. Я сказал, и тебе это также прекрасно известно, что в настоящее время мы не знаем...

– Он же исчез, черт возьми! Сколько еще политиков в этой стране должны отдать жизнь, чтобы мы очнулись? Разве Гримоса не охраняют двадцать четыре часа в сутки?

Фурхаге повернулся к синему галстуку. Тот откашлялся.

– Все упирается в ресурсы и приоритеты. Согласно проведенной нами оценке риска, он не подвергался угрозе, находясь внутри одного из зданий Риксдага.

«Зато сейчас мы сидим и беседуем в безопасном для прослушивания кубе», – подумал Фабиан, пока Фурхаге подал зеленому галстуку знак нажать на кнопки панели управления, выдвинутой из стола.

На одну из стен опустился экран.

– Эти кадры сняты камерой наружного наблюдения у того самого выхода, – сказал он, включив проектор.

На видео длиной не больше минуты Карл-Эрик Гримос шел к двойным безопасным стеклянным дверям, держа в левой руке портфель-дипломат. У дверей он приложил пропуск к считывающему устройству, отодвинул сначала одну дверь, потом другую и вышел в снежную выюгу.

Фабиан узнал одежду министра по снимкам в газетах. Зимнее пальто с большим черным меховым воротником и приметная шляпа, которые вместе стали его фирменным знаком. В левом нижнем углу указано время – действитель-

но 15:24.

Проектор погас, и экран бесшумно ушел в потолок.

– И у выхода стояла одна из ваших машин и ждала, чтобы его забрать, – сказал Фабиан. Все это казалось ему практически непостижимым.

Зеленый галстук кивнул.

– Могу добавить, что шел очень сильный снег, и водитель не полностью видел дорогу до входа.

– А когда он вошел в здание?

– Если вы о Гримосе, то в 11:43 через главный вход в левом здании Риксдага, – сказал зеленый галстук, явно довольный тем, что сумел дать такой быстрый и точный ответ.

– В 11:38 он вышел из Русенбада и быстрым шагом прогулялся по улице Стремгатан, но дальше пошел не по мосту Риксбрун, а в обход через мост Васабрун и набережную Кансликайен. С личной охраной, – сказал синий галстук.

– А когда начались депутатские дебаты? Около двенадцати?

– Нет, только в половине первого, но Гримос славится своей пунктуальностью.

– К какому часу была заказана машина, которая его ждала?

– К 15 часам, – ответил синий галстук и сделал глоток воды.

– Значит, несмотря на то что он никогда не опаздывает, он выходит из Депутатского здания только в 15:24.

Мужчины в галстуках переглянулись, после чего Андерс Фурхаге откашлялся.

– Позвольте мне кое-что уточнить. Вы здесь не для того, чтобы вам передали расследование. Наоборот. Вас пригласили сюда только с целью проинформировать. Иными словами: пока мы не узнаем, что за этим стоит преступление, следствие будем вести мы.

– А что это, если не преступление? – спросил Эдельман, потянув себя за бороду.

– Дело в том, что пока никаких признаков преступления нет, и, как правильно... Извините, как вас зовут? – Фурхаге повернулся к Фабиану.

– Фабиан Риск.

– Да, как правильно заметил Риск, есть целый ряд вопросов без ответов. Как раз сейчас мы вплотную занимаемся тем, чтобы получить ответы. По-моему, делать какие-либо выводы уже сейчас бессмысленно. Разумеется, мы постоянно будем держать вас в курсе дела.

– Вот как? Сегодня с половины четвертого вы закрыли рот на замок и информируете нас только сейчас. И это вы называете *постоянно держать в курсе*?

– Позвольте мне сформулировать это так: на данный момент у нас нет ни тела, ни явной угрозы. Нет никаких признаков того, что это террористический акт или тому подобное. Зато кое-кто говорит, что последнее время он казался загнанным и растерянным. Значит, он исчез по собственной

доброй воле и только хочет, чтобы его оставили в покое.

Эдельман фыркнул.

– А ты не думал о том, что ваш так называемый анализ уровня угрозы ни к черту не годится, и теперь вы пытаетесь сделать только одно: выиграть время, чтобы замести следы вашего поражения?

– Херман, предлагаю вести себя в рамках приличия, – сказал Фурхаге, который, похоже, просто отмахнулся от наскоков Эдельмана. – Никто не пытается замести следы. Тогда бы мы здесь не сидели. Так ведь? Мы преследуем точно такую же цель, что и вы. Выяснить, что произошло. Конечно, вполне возможно, что мы ошиблись с оценкой угрозы. Но независимо от этого следствием занимаемся мы, пока не окажется, что преступление действительно совершено. И хочу подчеркнуть: у нас нет намерения утаивать от вас информацию о ходе дела. Речь идет только о том, чтобы использовать преимущества работы без огласки. Мы оба знаем, как это устроено, Херман. В ту самую секунду, как вы запустите свои механизмы, об этом напишут все газеты, и нам с тобой ничего не останется, кроме как целыми днями давать пресс-конференции.

– А если я на это не пойду?

– Пойдешь. И чтобы у тебя зазря не болела голова, я уже уладил все с Кримсоном.

Фабиан наблюдал за Эдельманом, который сидел молча и с каменным лицом. Только что у него выбили почву из-под

ног и сбросили его со счетов. Без его ведома Фурхаге уже связался с начальником Главного полицейского управления и получил разрешение не подпускать Государственную криминальную полицию к следствию. Судя по всему, их вызвали сюда сообщить информацию по приказу Кримсона. Что можно сравнить только с ударом ножом в спину.

Но его начальник сидел здесь и терял время, совершенно не давая понять, что он думает. Вместо этого он спокойно достал и открыл свой портсигар одной рукой, другой вынимая зажигалку. Не успели все и глазом моргнуть, как сигарилла загорелась злым красным огоньком. Ни Фурхаге, ни галстуки ничего не сказали, и только после двух длинных затяжек Эдельман загасил окурок в стакане.

– Тогда я думаю, что на сегодня все. С нетерпением буду ждать от вас сведений о развитии событий.

– Разумеется, – Фурхаге протянул руку. – Я тебя очень высоко ценю. Ты это знаешь.

Эдельман проигнорировал протянутую руку и перевел глаза на Фабиана, который встал и вышел из куба, пообещав самому себе никогда не соглашаться на предложение стать начальником.

Идя к выходу по лабиринтам коридоров, Эдельман также молчал, как и на пути сюда. Объяснялось ли его молчание тем, что он боялся прослушки, или просто-напросто он слишком сильно рассердился, чтобы говорить, сказать было

невозможно. Фабиан тоже молчал, хотя у него было полно вопросов.

И только когда они снова вышли в снежное ненастье на улицу Польшемсгатан, Эдельман предложил сесть в машину Фабиана, хотя за ним уже приехало такси. Они перешли на другую сторону улицы. Фабиан отпер машину, сел и завел двигатель, чтобы согреть салон. Эдельман сел на пассажирское сиденье, уставившись в занесенное снегом лобовое стекло.

– Не знаю, известно ли тебе, что Гримос... – Эдельман сделал глубокий вдох, – ...мой старый хороший друг, которого я по-прежнему люблю.

Фабиан кивнул. Задолго до того, как он пришел в Государственную криминальную полицию, Гримос был начальником Эдельмана. Потом он ушел из полиции и целиком посвятил себя политике. Никто в отделе не сомневался, что эти двое хорошо сотрудничали. Эдельман никогда не упускал случая рассказать, как они с Гримосом действовали в свое время. Но то, что они до сих пор поддерживают отношения, явилось полной неожиданностью.

– У тебя есть хоть малейшее представление о том, что произошло? – спросил Фабиан.

Эдельман покачал головой.

– Но я предполагаю худшее... Поэтому крайне важно выяснить как можно больше, пока Полиция безопасности не слишком сильно увлеклась зачистками.

– Получается, ты думаешь, что это они...

– Я ничего не думаю... Меньше всего я доверяю Фурхаге.

– Ты хочешь сказать, что мы начнем расследование, хотя

Бертиль Кримсон...

– Не мы, а ты, – отрезал Эдельман и повернулся к Фабиану. – Позволь мне выразиться предельно ясно. В нашем отделе нет никого, кто даже приблизительно обладает теми качествами, которые требуются. Мы с тобой оба это знаем.

– Но как я смогу начать собственное расследование, когда Бертиль Кримсон четко...

– Не будем называть это расследованием. Я просто хочу сказать, что... Если мы не докопаемся до истины, тогда кто? Полиция безопасности?

Фабиан не мог не кивнуть. У Эдельмана определенно была цель.

– Только старайся никому не попадаться на глаза, и пока мы не узнаем больше, никому ничего не докладывай, кроме меня. – Эдельман вышел из машины и так хлопнул дверью, что со стекол слетел почти весь снег. Фабиан включил дворники, которые убрали остатки снега, и выехал на улицу.

Он попытался сосредоточиться на дороге, но мысли жили своей собственной жизнью в попытках понять, что же произошло на самом деле, так что ему, в конце концов, пришлось заехать на парковку рядом с улицей Норр Мелар-странд, остановиться там, опустить стекла и наполнить легкие холодным ночным воздухом.

Мало того, что министр юстиции исчез при мистических обстоятельствах. Эдельман к тому же выбрал его, Фабиана, для ведения тайного расследования. И чем больше он думал, тем яснее становилось.

С чего он начнет.

И к кому обратится.

Малин Ренберг больше всего на свете хотелось выпить бокал вина. Красное насыщенное вино «Зинфандель» во всех отношениях достойно говяжьей вырезки на ее тарелке. Дома, в Стокгольме, она без труда полностью исключила алкоголь, как только забеременела. Тяга исчезла сама собой. Другое дело в датской столице, которая, напротив, довела эту тягу до максимума. А может, виновата Дуня Хоугор, ее новое контактное лицо в криминальном отделе в Копенгагене, которая, похоже, запросто может махнуть в одиночку целую бутылку.

Они нашли друг друга уже спустя несколько часов после начала двухдневного семинара, где собрались следователи по убийствам со всей Европы для обсуждения транснационального сотрудничества, и сразу же решили контактировать напрямую. Знакомство оказалось настолько приятным, что Малин предложила пойти вместе в ресторан.

Теперь они сидели в ресторане «Барокко» в районе Ньюхавн, и Малин начинала понимать, почему датские дети позже всех детей на свете учатся говорить. Уже после первого бокала вина Дуня Хоугор перешла с надежного английского на датский, понимать который становилось все труднее по мере возлияния. Сперва Малин перебивала Дуню и переспрашивала, как только ей что-то становилось непонятным,

но вскоре она стала с улыбкой кивать, пытаясь уловить общий смысл.

Но сейчас она не понимала даже этого. Все слова словно слились воедино в нечто нечленораздельное, и она не разложила себя на том, что думает совсем о другом. О том, как она завидует датчанке, которая не беременна и может пить сколько угодно вина. Не говоря уже о том, как она завидует ярко-красным джинсам и ее телу, на котором все располагается именно там, где положено.

Малин ненавидела свое тело, из-за которого ей теперь приходилось одеваться в безобразную одежду больших размеров, и не задумываясь поменялась бы с кем угодно. Она поправилась на двадцать пять килограммов, а ведь еще оставалось больше двух месяцев.

Два-адских-проклятых-чертовых-гребаных-месяца.

Даже если хорошо постараться, на ней не найти ни одного места, которое бы не было раздуто, не болело или просто было без опрелостей. Словно она целиком превратилась в одно большое липкое минное поле хворей и недугов, которое когда угодно может взорваться по-настоящему сильной болью. Взять хотя бы живот, который она каждое утро и каждый вечер мазала таким дорогим кремом, что сочла нужным скрыть от Андерса его стоимость, и на котором все равно было столько растяжек, что она чувствовала себя сбитым на дороге животным.

– Ты совершенно уверена, что не хочешь выпить немного

вина?

Малин очнулась.

– Извини? Правильно ли я поняла?

– Немного вина, – Дуня Хоугор попыталась сказать это по-шведски, одновременно поднимая бутылку.

– Спасибо, не надо. Понимаешь, я пообещала себе во время беременности не брать в рот ни капли.

– Понятно. Но почему? – Дуня, похоже, действительно была в недоумении, и Малин подумала, что попала не в соседнюю страну, а на другую планету.

– Ну... Это же плохо для плода. Алкоголь проникает прямо через плаценту и...

– Знаешь, вот это все – типично шведские штучки.

– Что?

– У вас так много правил и запретов, и вы такие до черта запуганные. Говорю начистоту. Что станет от одного маленького бокала вина?

Малин пришлось сделать глубокий вдох, чтобы не дать волю своему раздражению.

– Не знаю, может быть, эта информация еще не дошла до Дании, но существует целый ряд исследований, которые показывают, что если мать употребляет алкоголь, плод развивается хуже, и увеличивается риск синдрома дефицита внимания и гиперактивности. К тому же...

– Нет, это совсем не так. – Дуня отпила глоток вина и посмотрела Малин в глаза. – У нас в Дании тоже проводили ис-

следование на выборке в несколько тысяч пятилетних детей и не смогли зафиксировать никакой разницы между детьми, чьи матери выпивали по две рюмки в день, и детьми, чьи матери полностью отказались от алкоголя.

– Неужели? Как странно! Но с другой стороны, эти исследования могут показать все что угодно. Смысл в том, что...

– Знаешь, что я думаю? Знаешь? – Дуня подняла указательный палец. – Я думаю, что если ты выпьешь маленький бокал вина, ты рискуешь только тем, что у детей будет веселая мать.

– Что значит «веселая»? Разве я не веселая? – Малин почувствовала, как раздражение взяло верх.

– Хорошо, Малин. Ты уж меня извини, я немного пьяная. Но я просто-напросто вынуждена тебе кое-что сказать.

– Валяй. Я слушаю, – сказала Малин и вдруг заметила, что понимает каждое слово.

Дуня посмотрела Малин в глаза:

– К сожалению, вид у тебя не радостный.

Малин не знала, что ей говорить и как реагировать. Ей следовало бы обидеться и уйти, сказать своей новой датской подруге, что она может катиться к черту со своей чушью во славу алкоголя, и найти другое контактное лицо в Стокгольме. Если бы Андерс произнес хоть слово, напоминающее критику, она не задумываясь взяла бы секатор и отрезала ему причинное место.

Но по какой-то непонятной причине она ни капельки не

рассердилась. Наоборот.

– О'кей... – Она допила минеральную воду из бокала. – Тогда налей мне вина, черт возьми. – Она протянула Дуне пустой бокал, и Дуня, смеясь, наполнила его, одновременно знаками попросив официанта принести им еще бутылку.

Они подняли свои бокалы и чокнулись. Малин пригубила вино, и по телу разлилась волна блаженства.

– О боже, как хорошо. – Она отпила еще. – Но одну вещь ты поняла с точностью наоборот. И не только ты, но и все датчане. В Швеции не больше запретов, чем в Дании. Напротив. – Она сделала еще глоток. – Здесь, например, нельзя жить в дачном домике сколько тебе захочется. «Кан-Янг», обычная пищевая добавка, тут полностью запрещен, а магазины не могут работать по воскресеньям. Знаешь, «опекунское государство»...

– Ладно, ладно. Я поняла твою мысль. Но...

– И мое любимое. Ты знала, что датские строители по закону вынуждены применять блеск для губ с солнцезащитным фактором, если они работают на открытом воздухе?

– Это шутка.

– Нет! Это правда!

Они рассмеялись, и Малин опять подняла свой бокал.

– Твое здоровье!

– Знаешь, я тебе очень завидую.

– Завидуешь? Если ты о моей беременности, то я с удовольствием с тобой поменяюсь.

– Почему? Разве это не прекрасно?

– Что прекрасного в том, что ты ходишь как жирная утка и у тебя все болит? Пойми меня правильно. Я совсем не против иметь детей. Правда. А в том, что это близнецы, я вижу только большой плюс. Детей двое, а время, когда они маленькие, – одно. Но беременность... Если уж совсем честно, с каждым днем я ненавижу ее все сильнее и сильнее.

– Правда? Не может быть.

– Ты ведь сама сказала, что у меня не очень радостный вид. По-твоему, с чем это связано, если не с... – Малин показала одной рукой на свой живот, взяв другой бокал с вином. – Первые недели мы с моим мужем Андерсом шутили, что он должен что-то выбрать – беременность, роды или кормление. Теперь это уже не шутка. Если он скоро не возьмет все на себя, ничего не будет. Вот тебе добрый совет: никогда не подвергай свое, не побоюсь этого слова, потрясающее тело такому.

– Нет, мне это пока не угрожает.

– Ты что, одна?

– Нет, но мы с моим любимым слишком мало трахаемся.

– Трахаетесь? – Малин проиллюстрировала, введя палец одной руки в кольцо между большим и указательным пальцами другой.

Дуня кивнула.

– Мы об этом говорили, и даже пробовали составить расписание, чтобы, по крайней мере, заниматься этим раз в

неделю, только ни черта не помогает.

– Ты его любишь?

– Карстена? Конечно, люблю. Летом мы поженимся и планируем после этого переехать в Силькеборг.

– Силькеборг? Это ведь в Ютландии? Извини, но что вы там будете делать?

– Карстен возглавит аудиторскую фирму своего отца.

– А ты что будешь делать? У тебя же здесь карьера.

– Да, но... Я же все равно не стану работать полный рабочий день, пока у меня будут маленькие дети.

– Дуня, а теперь послушай меня. – Малин наполнила их бокалы.

– Смотри, не переусердствуй.

– Теперь говорю я, – сказала Малин. – Я никогда никому этого не говорила и, возможно, никогда потом не скажу. Но... Послушай. Ты не должна иметь детей. Во всяком случае, не от этого Карстена или как там его.

– Почему ты это говоришь? – Дуня отставила бокал.

– Если рядом с тобой лежит такое тело, как у тебя, надо быть очень специфическим человеком, чтобы мало «трахаться», позволь мне эту откровенность.

– Откровенность?

– Вот что: или Карстен законченный гомосексуалист, или он тебя не любит. И тогда вопрос: любишь ли ты его?

– Ясно, что мы любим друг друга. Что, черт возьми, дает тебе право приехать сюда и...

– Я говорю только то, что вижу.

– И что ты видишь?

– Я вижу женщину, которая... которая... Да все говорит само за себя. Весь план с этим Карстеном кажется совершенно... – Малин замолчала, внезапно поняв, что идет по тонкому льду. Она отставила бокал и закрыла рот рукой. – Боже мой, извини. – Она далеко не в первый раз просто болтала и сказала именно то, что думала. Но первый раз это случилось с человеком, которого она едва знает. – Извини... Прости. Беру все свои слова обратно. Я совсем не хотела влезать и... Боже, как глупо. Не знаю, что на меня нашло.

– Может быть, хорошего понемножку?

– Наверное. К тому же с моими гормонами не шутят. Самое лучшее – держаться на расстоянии, что бы я сама с удовольствием сделала.

Дуня рассмеялась и подняла свой бокал.

Под звуки сингла «Black Mirror» канадской инди-рок группы Arcade Fire Фабиан Риск смотрел на залив Риддар-фьерден, в котором отражался свет тысяч освещенных окон на возвышенностях южной части города. Его поразила красота этого зрелища. От воды шел пар, манящий и в то же время обманчивый – словно было тепло.

*Un! Deux! Trois! Dis: Miroir Noir!*¹

Хотя на самом деле еще несколько часов, и залив покроется льдом.

Он сделал тише и стал искать ее номер. Она подошла через два гудка.

– Привет, сколько лет, сколько зим.

– Да, скоро будет два года, как ты от нас ушла. Извини, если звоню слишком поздно, – на всякий случай сказал он, хотя голос у нее был вовсе не сонный.

– Ничего страшного. Время еще детское, ведь ты меня знаешь.

– Откуда мне знать, может быть, ты остепенилась, завела семью и стала жаворонком.

На другом конце трубки послышался ее смех. Для Ни-

---

¹ Один! Два! Три! Говори: Черное зеркало! (*франц.*) – припев песни *Miroir Noir* («Черное зеркало») группы Arcade Fire. (Авторы текста – Уилл Батлер, Режин Шасань, Джереми Гара, Тим Кингсбери, Ричард Рид Перри.)

вы Экенгельм классическая семейная жизнь была такой же невероятной, как жизнь на Луне. В течение шести лет они были коллегами в Государственной криминальной полиции, где она работала следователем в области информационных технологий, или научным фантастом, как они это называли. То, что Нива оставалась на работе, когда все остальные уходили, работала до глубокой ночи и уходила домой только на следующее утро, когда сотрудники начинали приходить на работу, было скорее правилом, чем исключением.

Несколько раз Фабиан составлял ей компанию и проводил ночь в отделе. Чаще всего потому, что расследовал дело, которое не давало ему спать, но иногда он просто пользовался случаем и разгребал завалы на своем письменном столе.

Каждый раз Соня так сильно ревновала, что это грозило подорвать их отношения. В каком-то смысле он мог ее понять. Нива обладала обаянием и внешностью много выше среднего. К тому же она вела себя определенным образом. Вначале он считал, что так она ведет себя со всеми мужчинами. Но вскоре до него дошло, что она с ним флиртует. Хотя он дал понять, что не заинтересован, она продолжала свои намеки и все меньше скрывала свои намерения.

Но в этот раз он преследовал свой интерес.

– Фабиан, что я могу для тебя сделать? Ты же не развелся?

– Нет, до этого пока не дошло, – Фабиан сразу же пожалел о своих словах и попытался спасти ситуацию, рассмеявшись. – Шутки в сторону, мне нужна твоя помощь в деле,

которое должно остаться между нами.

– Это может подождать до завтра?

– Лучше не надо.

Он зацепился взглядом за Мюнхенскую пивоварню по другую сторону залива Риддарфьерден и стал считать зажатые окна, слыша, как Нива ходит взад-вперед на высоких каблуках по скрипучему паркету.

– Ладно, выкладывай.

Сколько она себя помнила, Карен Нойман боялась темноты. В детстве она верила, что под кроватью или за занавеской прячутся чудовища, и поэтому всегда спала с включенным светом. Родители считали это вполне естественным в ее возрасте и не сомневались, что с годами это пройдет. Но проблема только усугублялась, и, будучи подростком, Карен страдала такой тяжелой бессонницей, что ей приходилось принимать снотворное.

Теперь она больше не верила в чудовищ под кроватью, но боязнь темноты по-прежнему не ослабляла свою хватку, и она совсем не могла спать без снотворного. Ситуация явно осложнялась тем, что датская зима только-только начиналась, и с каждым днем становилось все темнее и темнее.

В довершение всего, они жили в старом фахверковом доме. Конечно, дом очень красивый и из окон открывается потрясающий вид на Эресунн. Во всяком случае, все так говорили. Но сама Карен никогда не могла по-настоящему этим насладиться: ведь как ни крути, их ближайшим соседом было не море, а темнота.

Длительное лечение и наружное освещение, в которое Аксель вложил целое состояние, несколько ослабили давление в груди. Но оно далеко не прошло, хотя она и научилась быть дома одна, когда он вел свое вечернее телевизионное шоу на

канале TV2 три раза в неделю. Тогда в доме зажигались все лампы. Она настаивала на этом, несмотря на протесты Акселя в связи с большими расходами на электричество.

Именно в этот вечер давление в груди было сильнее. Еще когда она пришла домой с йоги в самом начале десятого, ей показалось, что что-то висит в воздухе. Первое, что она заметила, – спортивная машина, припаркованная немного поодаль на улице Гаммель Страндвей. Сама по себе припаркованная машина не такая уж редкость. Наоборот, люди обычно оставляли машины именно там, чтобы прогуляться вдоль берега. Но не в зимнее время. Самое необычное, что машина со шведскими номерными знаками доехала аж до Тибберупа, хотя он и находится в паре километров от музея современного искусства «Луизиана».

И тем не менее, машина стояла здесь.

Спустя несколько часов после наступления темноты.

Точно так, как они договорились с врачом, Карен попыталась побороть искушение поддаться страху и спокойным шагом продолжала идти к дому по саду. Но когда освещение в саду так и не включилось, хотя она прыгала и махала руками перед детектором движения, она растерялась и почувствовала себя беспомощной. Пульс бился в два раза быстрее.

В доме, во всяком случае, был свет, и с помощью пульта она зажгла все лампы. После этого прошла на кухню и согрела большую чашку воды с выжатым лимоном, щепоткой гималайской соли и медом, чтобы восстановить баланс обмен-

на веществ после сеанса бикрам-йоги. Возможно, вырубился автомат, подумала она, ощутив, как к ней возвращается спокойствие.

«Наверняка ничего не произошло», – повторяла Карен мысленно на пути в гостиную, где взяла с придиванного столика планшет и нашла Лису Нильссон, чей голос почему-то всегда успокаивал ее. Музыка лилась из скрытых динамиков на потолке, и она вспомнила, как Аксель пришлось убеждать ее в преимуществе вот так слушать музыку вместо того, чтобы ставить CD-диск. Сейчас она не представляла, как жить без возможности одним щелчком перенести музыку с собой в ванную комнату, где она приготовила себе теплую ванну.

Она сняла форму для йоги, собрала волосы наверх, опустилась в джакузи, и струи воды стали массировать ее тело. От наслаждения она закрыла глаза. «Наверняка ничего не произошло», – повторила она про себя и стала подпевать *Himlen runt hörnet*², изо всех сил стараясь выговаривать слова по-шведски.

Аксель предупредил ее, что, скорее всего, переночует в квартире в Вестербро³ и приедет домой только завтра к завтраку, потому что гости сегодняшней вечерней программы наверняка захотят пропустить пару стаканчиков после эффи-

---

² Небеса за углом – название альбома шведской певицы Лисы Нильссон, получившего Грэмми.

³ Район в Копенгагене.

ра. Ничего страшного, она легко найдет чем заняться. После ванны она добавит во вчерашний салат с курицей киноа, сядет перед телевизором и проглотит столько серий американского сериала «Безумцы», сколько сможет, хотя она знает, что Аксель надеется, что она смотрит его программу.

Но как только смолк голос Лисы Нильссон, к ней опять подкралась неуверенность. Ей послышалось? Или в холле действительно закрылась дверь? Это же не может быть Аксель? Передача еще даже не началась. Карен нажала на сенсорный пульт, убрав звук массажных струй, и потянулась через край ванны к планшету, чтобы поставить музыку на паузу до начала следующей песни. Но рука была влажной, и вскоре Лиса опять запела «Никогда, никогда, никогда».

В голове Карен кружились мысли. Что ей делать: запереться в ванной комнате или решиться выйти и посмотреть, действительно ли в доме кто-то есть? Она вылезла из ванны и вытерла руки, чтобы выключить музыку. Тишина наступила так внезапно, что она вздрогнула. Все ее тело напряглось, как пружина, и она снова почувствовала себя пятилетней девочкой.

Ей пять лет, и у нее под кроватью спряталось чудовище. Она крадучись подошла к двери и приложила к ней ухо, но услышала только собственное дыхание. Хотя ей не хватало смелости, она повернула ручку и приоткрыла дверь. Дверь сильно закрипела, и она ощутила звук всем нутром. Она так часто набрасывалась на Акселя из-за этой двери, что это

стало у них дежурной шуткой.

Может быть, это все-таки Аксель? Может быть, по какой-то причине передачу отменили? Она высунула голову и позвала его. Но ответа не последовало, что вполне естественно. Ведь она дома одна.

Или все-таки не одна?

Она снова крикнула, на этот раз по-настоящему громко, но ей опять ответила удушающая тишина. Значит, звук двери раздался только в ее голове. В ее живом воображении, как всегда говорил ее отец.

Она покачала головой и решила снова сесть в ванну. Но едва погрузившись в воду, сразу же передумала, вылезла и вытерлась. Потом тщательно намазала все тело маслом, особенно участок вокруг шрама, и как всегда, когда она стояла перед зеркалом, почувствовала угрызения совести, хотя прошло уже больше десяти лет.

К тому же, похоже, чувствительность там и не думает восстанавливаться. Участок был затвердевшим и онемевшим, и если она проводила пальцами по этому месту, она ничего не ощущала. Но она не жаловалась. За все надо платить.

Она натянула на себя японский шелковый халат, вышла из ванной, нахвистывая *Himlen runt hörnet*, и пошла на кухню. Как обычно, в холле было страшно холодно, и она решила надавить на Акселя, чтобы он согласился и здесь сделать полы с подогревом. Но на этот раз было холоднее обычного. Карен остановилась на ходу и повернулась к приоткрытой

входной двери. Разве она не закрыла дверь как следует? Она всегда запирала за собой, даже среди бела дня.

Вообще-то, ей было страшно с момента прихода домой. Сначала припаркованная машина, а потом освещение в саду, которое не сработало. «Наверняка это мое упущение», – подумала она и закрыла дверь. На всякий случай проверила, заперто ли, а потом пошла на кухню, положила салат в тарелку и налила бутылку газированной воды. Поставив еду на поднос, она направилась в гостиную, тишину которой нарушил пронзительный звонок телефона.

Она отставила поднос и подошла к телефону. Но вместо того чтобы ответить, уставилась на него, словно силой мысли могла заставить его замолчать. Но телефон отказывался подчиняться.

В конце концов, она набралась мужества и подняла трубку.

– Да, алле?

– Почему ты не отвечаешь?

– Аксель? Это ты?

– Да, а ты что подумала? Я пытался дозвониться тебе на мобильный много-много раз, но...

– Мобильный? – только сейчас она поняла, что понятия не имеет, куда она его положила.

– Просто хотел узнать, все ли в порядке, и не возражаешь ли ты, чтобы я ночевал в городе.

– Ты действительно должен?

– Но любимая... Ты же сама все знаешь. Некоторые гости прямо-таки требуют, чтобы мы где-нибудь посидели после передачи, и Каспер один из них.

Она опять услышала какие-то звуки из холла. Но теперь это были не удары дверью, а что-то совсем другое. Что-то катилось. Или просто на улице воет ветер?

– Извини, я не расслышала. Что ты сказал?

– Ничего важного. Иди ложись, а утром я приеду домой и привезу тебе свежий хлеб.

– Нет, я хочу, чтобы ты приехал домой... Пожалуйста, поезжай домой прямо сейчас.

– Сейчас? Как ты себе это представляешь? Передача начинается через восемь минут.

– Я знаю, но... Как будто что-то... Или кто-то? Не знаю. Ты не можешь приехать домой? Пожалуйста, прошу тебя.

– Любимая, и не сосчитать, сколько раз мы с тобой через все это проходили. Конечно, темнота – вещь неприятная. Все так считают. Но под кроватью нет никаких чудовищ, я обещаю. Их там никогда не было и никогда не будет. Ладно? Любимая... Включи телевизор, и я буду почти дома.

– Хорошо.

– Я заканчиваю. Люблю тебя. Завтра увидимся.

В трубке щелкнуло, и Карен, отложив со вздохом телефон, вышла в холл и огляделась. Но ничего особенного не увидела. Пока не посмотрела на пол, на котором заметила прозрачную защитную пленку, раскатанную в холле от входной

двери до коридора за углом.

– Эй! – закричала она и, не получив никакого ответа, свернула за угол и пошла по коридору, также покрытому пленкой. – Извините!

В доме стояла тишина. Было только слышно, как пленка шуршит под ее ногами. Карен удивлялась самой себе, почему она не бежит в прямо противоположную сторону, но она словно дошла до предела – устала бояться и избегать всего, что вызывало малейший дискомфорт. Сейчас она скорее злилась, чем боялась. Каким бы ни было чудовище, она подойдет к нему и посмотрит ему в глаза.

«Не бойся смотреть в глаза собственному страху», – как обычно говорил ей врач.

Пленка вела дальше, в их спальню. Там она остановилась и огляделась. Но то, что предстало перед ее глазами, ничего не прояснило. Пленка, на которой она стояла, лежала на ковровом покрытии и даже на краю их двуспальной кровати.

– Эй, кто здесь? Выходи! Выходи, если не трусишь! Выходи и посмотри мне в глаза! – Она подождала и почувствовала, как у нее подкашиваются ноги. – Я так и думала! Когда доходит до дела, это ты боишься!

Карен подождала еще, но ничего не увидела. Ничего, кроме защитной полиэтиленовой пленки на кровати и под ногами. Но зато она услышала – наискось за ее спиной раздалось какое-то шипение. Повернувшись кругом, она попыталась понять, откуда исходит звук, и заметила, что сквозь щель

между дверями гардероба просачивается белый дым. Ей даже не пришло в голову бежать. Словно у нее не было выбора, она подошла к гардеробу, чтобы выяснить, в чем дело.

Как только открылась дверь, она поняла, что все время была права.

Все ее органы чувств. Ее интуиция. Тревога и наихудшие опасения.

Все было обоснованно.

Из гардероба вышел человек, одетый в грубую темную одежду и бутсы. Лицо скрывал противогаз.

– Кто ты и что ты здесь делаешь? – Карен заплакала и почувствовала, что сейчас упадет. – Отвечай. Пожалуйста, отвечай... Что ты хочешь? Почему ты здесь?

Но посетитель не ответил ни на один вопрос.

Раздавалось только шипение – это он дышал в противогаз.

Карен никогда больше не придется бояться.

Фабиан Риск, держа обеими руками руль, ехал из Стокгольма сквозь снежное ненастье, которое все усиливалось, и пытался избавиться от неприятного чувства, что ввязывается в историю, масштабы которой он даже не представляет. Чувства, что ему лучше отказаться от задания и повернуть обратно домой, к своим детям.

Но от такого задания просто так не отделаться. Эдельман поручил дело именно ему, и он достаточно хорошо себя знал и понимал, что не будет придавать значения предчувствиям. Министр юстиции бесследно исчез во второй половине дня, и Фабиан, как и Эдельман, нисколько не разделял надежд Полиции безопасности на то, что министр исчез по собственной воле и скоро вновь объявится.

Что-то определенно случилось.

Вставив в ухо наушник, он позвонил домой, но услышал только свой собственный голос, попросивший его оставить сообщение после звукового сигнала. Он оставил сообщение Матильде и Теодору, сказав, что вернется домой немного позже, чем собирался, и что они должны лечь спать. Что они, должно быть, и сделали – ведь уже больше половины двенадцатого, подумал он и вставил в CD-плеер альбом *The Pearl* Гарольда Бадда и Брайана Ино.

The Pearl был далеко не самым его любимым альбомом, но

этот диск он купил одним из первых, и этому альбому всегда находилось место в его коллекции – как и большинству композиций, к которым приложил руку Ино, – а на данном этапе он нравился ему больше, чем когда-либо.

Фабиан ехал по мосту Дроттнингхольмсбрун под чарующие звуки пианино, которые заполнили салон так, что снежинки за стеклом стали казаться ему симпатичными кулисами в частном театре, а не реальной непогодой.

Он поехал дальше прямо по шоссе Экеревеген до шоссе Рербювеген, где свернул налево и примерно через пятьдесят метров остановился у особняка, рядом с которым было припарковано несколько машин. Одна из машин – красная «Мазда RX-8» – мигнула фарами дальнего света. Он припарковал свой автомобиль и поспешил сквозь выюгу. Как только он сел на пассажирское сиденье, Нива включила коробку передач и, скользя, выехала на шоссе.

– Проклятая погода, – сказала она, так прибавив скорость, словно завтра не наступит никогда. – Кстати, привет.

– Здорово. Шикарная машина.

– В такую погоду это скорее корова на льду, а не машина. Твоя наверняка была бы гораздо лучше, но я не хочу привлекать к нам слишком много внимания.

– Ничего, что я втянул тебя во все это?

– Эх... Зачем тогда я здесь, а не в теплом ночном клубе Spy Bar?

– Разумеется, чтобы встретиться со мной, – ответил Фа-

биан с улыбкой.

Нива рассмеялась, повернула направо и остановилась у закрытых ворот с вывеской:

РАДИОТЕХНИЧЕСКИЙ
ВООРУЖЕННЫХ СИЛ

ЦЕНТР

– Ты все шутишь, – сказала она и нажала на маленький пульт. Ворота открылись. – Но сегодня вечером мне уже назначили свидание, так что времени у нас в обрез, – продолжила она, сумев припарковаться и выйти из машины до того, как Фабиан успел ответить.

Они поспешили сквозь снег к входу в одно из неприметных зданий, и только теперь Фабиан обратил внимание на прическу, маленькую меховую куртку, высокие каблуки и короткую юбку с золотыми блестками. Нива действительно куда-то собирается после того, как они закончат. Сам он не мог вспомнить, когда последний раз выходил в свет. Особенно вечером в середине недели.

Нива приложила пропуск к считывающему устройству, набрала длинный код и раздвинула дверь. Фабиан кивком показал на табличку «*Отдел поддержки деятельности*» на двери перед ними.

– Разве ты не сидишь в отделе технического развития?

– Сижу, – сказала Нива и быстро пошла вниз по лестнице. – Но сейчас мы пойдем в обход.

Фабиан едва поспевал за Нивой, несмотря на ее каблуки. Его поразило, что снаружи здание является только верши-

ной айсберга. Спустившись на несколько этажей вниз, Нива опять приложила свой пропуск, открыла толстую железную дверь и исчезла в темноте. Фабиану ничего не оставалось, кроме как идти на стук каблуков по бетонному полу, пока не замигал ряд ламп дневного света, и стало понятно, что подземный коридор тянется дальше на сто метров. Еще одна тяжелая железная дверь и еще один лифт, и они оказались у «Отдела технического развития».

Этот отдел был поистине самым известным в Радиотехническом центре вооруженных сил и одновременно самым закрытым для общественности. В отличие от всех остальных подразделений Центра, этот отдел не нуждался в решении суда и по большей части мог беспрепятственно заниматься любой прослушкой, пока она подходила под определение «техническое развитие».

– Ну, ладно. Министр юстиции, говоришь? – Нива уже села за один из письменных столов в комнате без окон и стала зажигать экраны, закрывающие почти весь обзор. – У тебя случайно нет его мобильного телефона?

– А разве не поэтому мы здесь? – спросил Фабиан и сел на стул рядом с ней.

Она пожала плечами.

– Это ты мне позвонил, а не я тебе. – Она ввела ряд команд и принялась входить на разные серверы, как засветился ее мобильный.

– Привет... Извини, но я должна помочь старому товари-

щу с одним делом и немного задержусь... Конечно... Да, я обещаю... О'кей... Пока. – Она отложила телефон и ввела в мигающее поисковое поле «Карл-Эрик Гримос».

– Это тот, с кем у тебя свидание?

– М-м...

– Он расстроился?

– А кто сказал, что это он?

– Ой, извини. Я...

Нива одарила Фабиана улыбкой, которая вполне могла означать издевку. Наверняка так и есть, подумал он и кивнул на экран, теперь заполненный рядами имен.

– А сейчас ты где?

– В отделе личной охраны Полиции безопасности, – сказала Нива и перенесла в поисковое поле на соседнем экране защищенный мобильный номер министра. После чего нажала на *поиск положения*, и стало видно, как идет поиск. Еще на одном экране появилась увеличенная карта Стокгольма, и через несколько минут в воде у набережной Кансликайен возникла мигающая точка.

– Здесь его видели в последний раз?

Нива кивнула.

– Сегодня в 15:26.

Спустя две минуты после того, как он скрылся через фойе Депутатского здания. Значит, он пошел прямо сюда и избавился от мобильного или сам прыгнул в воду. Зачем ему было это делать? Есть значительно более удобные способы ли-

шить себя жизни, чем прыгать в ледяную воду среди бела дня. Или он кого-то встретил по дороге?

– А можно посмотреть, говорил ли он с кем-то по телефону в это время?

Нива кивнула, и вскоре на одном из экранов появился график, отражающий мобильный трафик министра вплоть до 15:26.

– Он несколько раз говорил по телефону в первой половине дня, когда еще находился в Русенбаде.

– Ты видишь, с кем?

– Да. Но насколько я могу судить, ничего особенного. Хотя... Около девяти у него состоялся короткий разговор с Херманом Эдельманом.

– С Эдельманом? – переспросил Фабиан. Он не мог понять, почему его начальник ни словом об этом не обмолвился. – А с кем еще?

– Через тринадцать минут он позвонил в израильское посольство, но положил трубку до того, как ему ответили, а около половины десятого разговаривал с неким Мельвином Стенбергом из отдела личной охраны Полиции безопасности.

– Понятно, он решил прогуляться до здания Риксдага, так что наверняка звонил по этому поводу.

– Есть еще несколько разговоров с другими министрами и с начальником штаба министерства. Но ничего захватывающего дух.

– А эти разговоры где-то записаны?

Нива рассмеялась.

– Ты слишком много читал Оруэлла.

– Может быть, но сейчас мы говорим о министре юстиции, и именно его телефон должен представлять для вас большой интерес.

– Разумеется. Но даже у нас есть ограничения. Я могу распечатать список всех разговоров с указанием времени и абонентов. Может, на этом и закончим?

– Закончим? – спросил Фабиан, изучая график разговоров министра.

– Да. А что сказала бы Соня, если бы нас здесь занесло снегом? – Нива встала и подошла к заурчавшему принтеру. – Ведь ее так зовут, твою жену?

– Да. Но... – Фабиан осекся, поняв, что напрямик летит в западню. Несмотря на назначенное свидание, она была не прочь поиграть с ним. Словно учуяла, что их брак трещит по швам, и была готова в любую минуту вцепиться в него когтями.

– Что «но»? – она подошла к нему с улыбкой.

– А что это? – Фабиан повернулся к одному из экранов и показал на графике две маркировки с указанием времени. – Эти два разговора ведь состоялись после 15:26.

– Да, но на них не ответили.

– Значит, кто-то пытался дозвониться ему после того, как мобильный оказался в воде... Можно узнать кто?

Нива вздохнула и взглянула на часы. Улыбку как рукой сняло.

– Ради меня.

– Ты за это заплатишь. Так и знай. – Она посмотрела на него, села на стул и опять повернулась к клавиатуре. – У первого, позвонившего в 15:28, к сожалению, тайный номер.

– И ты ничего не сможешь выяснить?

– Могу, но не сейчас. На это нужно время.

– О'кей. А второй, в 15:35?

– Это номер... Стена Густавссона, и он... – Пальцы Нивы бегали по клавиатуре, словно она всегда только этим и занималась. Фабиана по-прежнему восхищали люди, которые могли печатать, не отрывая глаз от экрана. – Работает водителем в Русенбаде.

– Понятно... Наверное, он ждал Гримоса и не понимал, куда тот делся, – сказал Фабиан. – Кстати, что это значит? – он показал на графике маленькую маркировку и несколько цифр рядом с разговором.

– Это показывает, сколько времени была подключена линия. Возможно, Стен Густавссон положил трубку, как только заработал автоответчик.

– А вот аноним этого не сделал, – сказал Фабиан и всмотрелся в график. – Двадцать четыре секунды. Вполне достаточно, чтобы записать сообщение. А ты как думаешь? – он повернулся к Ниве, но та в ответ только пожала плечами. Но Фабиан не сдавался – он не сводил с нее глаз, пока тишина

не стала слишком давящей.

– Ладно, – сказала Нива и покачала головой. – А теперь шутики в сторону.

– Конечно, – Фабиан взял распечатку списка телефонных разговоров, пока Нива продолжала работать. Через несколько минут она закончила и включила сообщение:

«Сейчас у Карла-Эрика Гримоса нет возможности ответить на ваш звонок. Пожалуйста, оставьте сообщение или лучше отправьте мейл».

«Привет, это я... – послышался женский голос. – Да, я знаю, что мне лучше не звонить на этот номер. Но я пыталась несколько раз на другой номер, но ты не отвечаешь, и даже если ты так не считаешь, у меня тоже есть жизнь. Не только у тебя. Так отвратительно...» Раздался щелчок, и разговор закончился.

Нива повернулась к Фабиану.

– Ты слышал то же, что и я?

Фабиан кивнул.

У Гримоса был еще один мобильный.

Несмотря на снег, Дуня Хоугор пробиралась по улице Готерсгаде в центре Копенгагена. Но вспомнив, как Карстен три года назад ехал домой на велосипеде после ночной попойки в Вестербро, она решила слезть с велосипеда и повезти его в руках.

Он чуть-чуть не рассчитал расстояние до тротуарного бордюра на улице Х. К. Эрстеда и через долю секунды грохнулся лицом на асфальт. Но вместо того, чтобы спокойно лежать и ждать помощи, встал и поехал на велосипеде дальше, будто ничего не случилось. И только на следующее утро обнаружил, что у него выбито несколько зубов, а лицо в определенных местах похоже на прокрученное через мясорубку мясо. С тех пор он не брал в рот спиртного.

В чем Дуню нельзя упрекнуть. Как и ее новое контактное лицо Малин Ренберг. Вопреки ожиданиям вечер затянулся, и, честно говоря, она уже давно так много не смеялась.

Вначале шведская сотрудница полиции была точно такой же правильной и скучной, как и большинство шведов, с которыми сталкивалась Дуня. Но после нескольких глотков вина ее словно подменили, и оказалось, что она очень остроумная, прямая и открытая. Дуня с легкостью представляла себе, как они в будущем поддерживают регулярный контакт и через пару лет даже могут стать по-настоящему хорошими

подругами.

И все-таки ее что-то корбило и никак не давало покоя. Вообще-то, она точно знала, что это, но легче от этого не становилось. Малин пошла на нее как танк, утверждая, что Карстен ее не любит. Это можно объяснить тем, что шведка позволила себе немного выпить первый раз за полгода.

Дело в том, что она сама только об этом и думала, хотя была полностью уверена, что они с Карстеном словно созданы друг для друга. Конечно, у них есть проблемы. А у кого их нет? И как часто люди занимаются сексом? Если уж говорить честно. Нет, она никогда ни капельки не сомневалась в том, что они с Карстеном пара.

Во всяком случае, до сегодняшнего вечера.

А теперь она не знала, что ей думать. Одна мысль о том, что существует риск, пусть даже микроскопический, что Малин права, давалась ей с трудом. Может быть, потому, что у нее еще не выветрился хмель, подумала она, продолжая идти мимо станции Норрепорт, где усиливающаяся непогода забросала ее мокрыми снежинками.

Когда она вползла в квартиру на улице Блогордсгаде, 4, то была похожа на снежное чудовище из комикса *«Тинтин в Тибете»*. По привычке она слишком легко оделась. Только бы опять не подцепить уретрит.

В гостиной горел свет, и из стерео раздавались звуки одной из самых любимых композиций Карстена. Что-то классическое, что она слышала минимум тысячу раз, но все рав-

но никогда не могла вспомнить название произведения. Значит, он сидит и работает.

В обычных случаях она подходила к нему, здоровалась, а потом спрашивала, есть ли чай или не хочет ли он, чтобы она поставила чайник. Но только не сегодня вечером. Нет, этот вечер будет совсем другим, и она покажет этой беременной шведке, как на самом деле они с Карстеном влюблены друг в друга.

Поэтому она как можно тише прокралась в ванную и закрыла дверь, не запирая ее, чтобы ее не выдал скрежет старого замка.

Дуня встала под душ и включила воду. Намылившись и вымывшись, достала пену для бритья и бритву и стала обрабатывать зону бикини.

Она много раз собиралась это сделать и читала, что большинству мужчин это нравится. Но она никогда не осмеливалась довести дело до конца, и решила: сейчас или никогда. Закончив бритье, вытерлась, встала перед зеркалом на коврик и намазалась кремом с оливковым запахом, который Карстен привез ей из своей последней поездки в Стокгольм.

Сказалось ли тепло после принятия ванны, блуждающие мысли или прикосновения собственных рук, она не знала. Но, во всяком случае, она была полна желания, когда натянула на себя кимоно, вышла из ванной и пошла в гостиную, где Карстен сидел за письменным столом, уставившись в экран компьютера.

Он все еще не заметил, что она дома, и Дуня, пользуясь случаем, стала его рассматривать. Как всегда, он замечательно выглядел. Ни разу не переступив порог спортивного зала, он производил впечатление хорошо натренированного мужчины. Ей не нравились в нем только усы, которые он упрямо отращивал последний месяц. Усы ему не шли, и она не сомневалась в том, что на самом деле он того же мнения и не сбривает их лишь для того, чтобы дразнить ее.

– Привет, любимый, – сказала она, подходя к нему.

– Привет. Ты уже дома? – спросил Карстен, не отрывая взгляда от биржевого курса.

– М-м... Знаешь, что я делала?

– Да, ты ведь должна была ужинать с этой шведской полицейской. Где вы были?

– Я не об этом. Сейчас, после того, как пришла домой. – Дуня ждала реакцию. Но Карстена словно поглотили бесконечные таблицы с цифрами. – Я приняла душ, и теперь вся такая теплая и чистая. – Она начала массировать его плечи. – И подумала, не могли бы мы... Ну, ты знаешь, пока мы не слишком устали...

– Чай готов, если хочешь, – Карстен кивнул в сторону кухни.

– Нет, спасибо, – сказала она, не понимая, что делать дальше. Она же не может вот так стоять и массировать его до бесконечности. – Тебе много осталось?

– Скоро открывается Токийская биржа, а я еще не закон-

чил с цифрами от FED.

У Дуни уже пропало желание, и ей хотелось только забраться под одеяло с чашкой дымящегося горячего чая и продолжать читать *«Тьму в бутылке»* Юсси Адлера-Ольсена. Но она обещала самой себе броситься в омут с головой и надеялась, что Карстен готов ее подхватить.

– Как хорошо. Тогда, наверное, мы сможем немного пообщаться до того? – Она расстегнула верхние пуговицы его рубашки, засунула руки под рубашку и начала массировать ему грудь.

Карстен повернулся на стуле.

– Что ты делаешь?

– А на что это похоже? – Она опустила руки вниз и стала расстегивать его ремень.

– Пожалуйста, не сейчас... – Он отвел ее руки. – Я только что выздоровел и к тому же давно не был в душе.

– Наплевать. – «Теперь я прыгаю», – подумала она, сбросив кимоно на пол.

Карстен посмотрел на нее. Или, скорее, уставился. Она чувствовала себя моделью на фотографии Хельмута Ньютона, но не могла решить, хорошо это или плохо. Карстен, похоже, не знал что сказать, но, в конце концов, поднял глаза и встретился с ней взглядом.

– Ты же знаешь, что это значительно увеличивает риск уретрита.

Дуне хотелось одного: как можно быстрее отойти от него,

взять все назад и навсегда уничтожить. Но ноги отказывались ее слушаться, и она продолжала стоять на месте, более обнаженная, чем когда-либо, с таким видом, будто пытается забрать обратно свою невинность. Она расплакалась, и только тогда смогла поднять с пола кимоно и быстро отойти.

– Любимая, прости. Я не хотел... – Карстен пошел за ней в ванную, дверь которой она успела закрыть прямо перед его носом. Он попытался открыть дверь. – Послушай... Это же для твоего блага. Ты ведь знаешь, как я к тебе отношусь. Но...

– Карстен, все в порядке, – сказала Дуня, вытирая под глазами. – Я все равно страшно устала. – Она надела мужскую полосатую пижаму и села на крышку унитаза.

– Я люблю тебя, знай это.

– Я тоже тебя люблю, – отозвалась она, не переставая думать о том, как права ее новая шведская беременная знакомая.

Он действительно это увидел или ему померещилось?

Как можно крепче держась за руль, Аксель Нойман бросил еще один взгляд в зеркало заднего обзора. Проклятье. Так и есть. Полицейская машина ехала за ним в каких-то двадцати метрах. Он выпил три кружки пива и полторы порции джина с тоником, как вдруг решил не ночевать в городе, а сделать Карен сюрприз и поехать на машине в Тибберуп. Тогда, в минутном порыве, это показалось ему совершенно логичным. Она была вне себя от беспокойства, и он не смог позволить себе оставить ее одну на целую ночь. И на новом «БМВ ХЗ» с «умным» приводом на четыре колеса он доберется до дома за каких-нибудь полчаса.

Но теперь его решение больше не казалось таким очевидным. Он никак не мог понять, почему не остался ночевать в квартире в Вестербро. У Карен настолько часто случались приступы боязни темноты, что стали скорее правилом, чем исключением. Если так будет продолжаться, ему придется отказаться от вечерних эфиров.

Он опять посмотрел в зеркало и убедился, что полицейская машина по-прежнему держалась на том же расстоянии. Если им взбредет в голову остановить его сейчас, у него нет ни малейшего шанса, и разразится скандал. Он уже представил себе заголовки. *«Известный телеведущий сел пьяным за*

руль — провел ночь под арестом». Они не сразу назовут его имя, а будут подогревать любопытство и распространять разные слухи о том, кто это может быть. И только через несколько суток бросят бомбу вместе с пикантными деталями о том, как он описался и не мог выйти из машины без посторонней помощи.

Как он мог сделать такую страшную глупость? Он же обещал себе в прошлый раз, что больше это никогда не повторится. В каком-то смысле он заслуживает отправки в полицейский участок, лишения водительских прав и всей этой лабуды. И, может быть, именно это ему и нужно. Но только не сейчас.

Главное, не ехать слишком медленно. Это, без сомнения, наиболее распространенная ошибка, которую совершают те, кто садится пьяным за руль. Перестраховка и езда со скоростью гораздо ниже разрешенной, чтобы избежать аварии, — самый верный способ привлечь к себе внимание полиции. Наоборот, надо ехать в соответствии с указателями или даже с небольшим превышением. Трудность заключается в том, что одновременно надо держаться в своем ряду. Черт возьми, он еще не протрезвел. Он еще пьянее, чем когда садился в машину. Черт, черт, черт. Он опустил боковое стекло, вдохнул ледяной воздух и попытался сосредоточиться на дорожной разметке.

Все хорошо и спокойно. Осталось немного. Еще километр, и он рядом с «Луизианой», а там только свернуть к во-

де после церкви, и через какую-то сотню метров он дома.

Как в плохом фильме, включился синий свет и проник прямо в салон. Проклятье... Он споткнется на финишной черте. Он попытался разглядеть в зеркале, насколько близко полицейская машина, но его ослепил сильный свет. У него просто-напросто нет другого выбора, кроме как затормозить и попытаться заговорить им зубы, что он делает мастерски. Но эта лихорадочная мысль лишь мелькнула у него в голове, не успев сформироваться, поскольку полицейская машина промчалась мимо и исчезла дальше в темноте.

– Да! – Аксель забарабанил по рулю и издал радостный вопль. Он выпутался, хотя его душа ушла в пятки, и стал обещать себе, что это последний раз. Самый последний раз.

Он миновал церковь в Хумлебеке, снизил скорость и свернул направо на улицу Гаммель Страндвей. Скоро покажется дом. Его пульс наконец начал осознавать, что опасность миновала. Он проехал мимо серебристого «Порше», припаркованного вдоль дороги, и через пятьдесят метров заехал во двор и припарковался рядом с машиной Карен.

Прожекторы почему-то не загорелись, и, выйдя из машины, он понял, что в саду выключено все освещение. И это Карен, которая всегда зажигала свет, когда была одна дома!

Он стал пробираться по снегу к дому по дорожке, выложенной булыжниками, и оперся о фасад, чтобы не потерять равновесие, когда вставлял ключ в замок. Но он не смог повернуть ключ, поскольку дверь оказалась незапертой. Со-

всем не похоже на Карен. Сначала освещение в саду, а теперь дверь. Он ничего не понимал.

В ее голосе, несомненно, слышалось больше тревоги, чем обычно, и она даже попыталась заставить его отменить передачу. Но тогда он был не в состоянии это воспринять. Он в принципе никогда не мог ничего воспринять за минуты до того, как загоралась красная лампа. Он был целиком сосредоточен на предстоящей передаче.

Аксель вошел в холл, думая о том, сколько раз он пытался объяснить Карен, что это не имеет ни малейшего отношения к его любви к ней. Что это происходит в его подсознании. Если земля провалится за пределами телестудии, он осознает это только после передачи.

Но она никогда ему не верила и каждый раз утверждала, что это еще одно доказательство того, что он слишком эгоцентричен и по гамбургскому счету ей нет места в его жизни. Он все время пытался доказать ей обратное. Например, как он помогал ей, когда она болела, особенно материально. Если это не доказательство, то что тогда? Он стянул ботинки и чуть было не потерял равновесие.

А протрезвеет ли он вообще? Сейчас ему казалось, что уровень алкоголя в крови все еще растет. Он заглянул в гостиную и отметил, что Карен, во всяком случае, там нет, а это значит, что ей, в конце концов, удалось успокоиться и лечь спать. Но услышав, как дверь спальни в холле открылась и закрылась, он поправил себя: Карен *собирается* ло-

житься спать. Тогда она, по крайней мере, знает, что он дома. Хорошо.

Чтобы не возникло сомнений, что будет дальше, он все время свистел, пока шел в ванную комнату. Там он стащил с себя одежду, сбросив все на пол в одну кучу, залез в душ и встал под теплую воду. Он включил режим спокойного летнего дождя. Ему страшно нравился новый душ, который мог воспроизвести все, от муссонного дождя до плотного тумана.

Смыв мыло, он вытерся, втянул живот и стал изучать свое тело в зеркале спереди и сбоку. Хотя он не молод, жаловаться особенно не на что. Он был в хорошей форме и, без труда отжавшись тридцать раз на полу в быстром темпе, наконец вышел из ванной и пошел через весь дом в спальню. Дойдя до спальни, сунул голову в темноту.

– Привет! Можно войти? – Он ждал ответа, который так и не последовал.

Значит, сегодня они играют в эту игру, подумал он и прошел дальше. Бессловесная игра, где можно говорить только на языке жестов и плотских желаний. А ведь она обычно никогда не выключала лампу, пока он не входил и не ложился рядом с ней. Теперь было так темно, что ему пришлось держаться руками за край кровати, чтобы не пойти в другую сторону. Затем он залез под одеяло на своей стороне и лег на спину. Хмель еще не выветрился, и ему оставалось только надеяться, что она этого не заметит. Как бы там ни было, ее

очередь проявить инициативу, подумал он и попытался притвориться, что засыпает.

Кроме слабого шума вентиляции и собственного дыхания, он ничего не слышал. Карен почти всегда дышала бесшумно. Сам он мог храпеть всю ночь, из-за чего Карен периодически грозила уйти спать в другую комнату, если он не начнет использовать капу от храпа. Надо признаться, это обещание он нарушал почти каждую ночь. Он откинул одеяло, будто бы во сне. Его напрягшийся член теперь совсем обнажился и смотрел прямо на пупок.

Но Карен никак не отреагировала. Что с ней происходит? Она же не может вот так лежать и дуться на то, что он не отменил передачу, не бросился в машину и не поехал домой только потому, что она немного боится темноты? Нет, наверное, он просто слишком проявляет нетерпение и рвется в бой. Он приложил ладонь ко рту и выдохнул, но не понял, пахнет ли от него спиртным.

Прождав еще одну бесконечно долгую минуту, он сдался, повернулся к ней, запустил руку вниз под одеяло и отметил, что она лежит на спине. Он провел рукой вверх и слегка коснулся ее соска. В большинстве случаев это ее заводило. Но сейчас он не заметил никакой реакции. Даже когда дотронулся языком.

Он отбросил одеяло, наклонился над ней и стал кончиком языка осторожно описывать круги вокруг соска и по его верхушке. По-прежнему никакой реакции. Он стал думать, что

сделал не так. Ведь обычно он так начинает. Он решил сосредоточиться на нижней части, хотя знал, что Карен может сразу сникнуть, если идти напролом. Но разве у него есть выбор? Она фактически его вынуждала.

Аксель провел рукой от груди по ребрам и животу, и тут, почувствовав что-то липкое, инстинктивно отдернул руку и сел. «Что это такое, черт возьми?!» – спросил он сам себя и зажег прикроватную лампу.

Сначала он подумал, что это ему чудится. Что он уже заснул и ему снится дурной сон, который должен вызвать у него угрызения совести за то, что он оставил ее одну. Но когда он все осознал, это повергло его в такой сильный шок, что ему стало трудно дышать и пришлось выйти из комнаты, чтобы глотнуть воздуха.

Фабиан Риск выключил радио и свернул на улицу Бергсгатан. В утренних новостях ни словом не обмолвились об исчезновении министра юстиции, зато посвятили большую часть эфира горячим дебатам о том, надо ли детям и беременным делать прививку от свиного гриппа, а также похищению Адама Фишера.

Он надеялся, что Нива скоро даст о себе знать. По дороге домой из Радиотехнического центра она обещала узнать тайный мобильный номер министра юстиции, одновременно попытавшись уговорить его пойти с ней куда-нибудь выпить, поскольку ее свидание, в конце концов, отменилось. *«Это, пожалуй, самое малое, что ты можешь сделать»*, – сказала она.

Но страх того, к чему – он в глубине души надеялся – приведет этот поход в бар, заставил его отказаться от ее приглашения и сослаться на детей, которые были одни дома. *«Тогда в следующий раз»*, – прошептала она ему в ухо, и он услышал, как обещает пригласить ее.

Фабиан опустил боковое стекло, прижал маленький пластмассовый ключ к считывающему устройству и поехал вниз, в гараж в здании полиции. Планы прийти первым и успеть изучить некоторые появившиеся зацепки до прихода Малин и всех остальных уже окончились ничем. В целом,

это утро можно считать классическим примером того, как не стоит начинать день.

Сони дома не было, она ночевала в мастерской. Матильда и Теодор, похоже, вообще не спали, и он с огромным трудом поднял их с кроватей. Вернее, со своей кровати, если быть точным. Когда он пришел домой около половины первого, оба лежали, свернувшись калачиком, под одеялом.

Фабиан сначала не поверил своим глазам. Матильда и Теодор в принципе никогда не играли друг с другом. У них была слишком большая разница в возрасте, и их единственным общим интересом было стремление действовать друг другу на нервы. Соня считала, что, когда дети вырастут, они будут получать больше удовольствия от общения друг с другом, но Фабиан сомневался. Наоборот, он видел много признаков того, что у них так же не будет никаких отношений, как у него с братом, старшим на пять лет.

Но когда он заметил футляр старого классического фильма «*Кошмар на улице Вязов*», лежащий на DVD-проигрывателе, он сразу понял причину внезапной любви брата и сестры. На следующее утро они опять взялись за свое и ссорились из-за всего: начиная с того, кто выпьет остатки какао, и кончая тем, сколько можно занимать ванную комнату.

Была уже половина девятого, и на стоянке он увидел машину Малин Ренберг, хотя она прилетела из Копенгагена только утром.

– Андерс... Но Андерс, пожалуйста, выслушай меня, – сказала Малин в телефон, одновременно закатив глаза при виде Фабиана, который снимал верхнюю одежду. – Чтобы иметь хоть малейший шанс закончить в этом столетии, нам надо нанять настоящих ремонтников. И если ты не понял, то я вообще-то на сносях... Нет, теперь говорю я. – Она замолчала и выпила стакан колы. – И ты считаешь, что я в состоянии провести все выходные на четвереньках и класть плитку в ванной? Нет, но тогда... Что? Нет, я не надулась. Я беременна!

Малин так швырнула трубку на рычаг, что Фабиан подивился тому, что трубка в принципе выдержала.

– Иногда, но только иногда, случается, что вы, мужчины, включаете мозги. Типа каждый второй високосный год... – Она покачала головой, налила в стакан еще колы и залпом выпила. Потом она глубоко вдохнула, снова подняла трубку и набрала номер. – Привет, это опять я... Послушай, извини... Я не хотела... Я просто больше не в силах заниматься ремонтом... Я тоже тебя люблю... Целую... – Она положила трубку и перевела взгляд на Фабиана. – Я собиралась позвонить тебе, чтобы узнать о вчерашней встрече.

– Все в порядке? – спросил Фабиан и сел за письменный стол напротив.

У Малин был такой вид, словно она не знала, с чего начать.

– Что бы вы ни делали, ты и Соня. Что бы вы ни делали,

никогда не покупайте дом, который требует ремонта. Обещай мне. И говорю «никогда» в том смысле, что даже никогда не думайте об этом. Никогда не заходите на сайт продажи домов Hemnet. Пусть вашей ноги не будет в коттеджном поселке, даже если ваши лучшие друзья только что туда переехали. Ладно? Оставайтесь в городе. Ради бога, не выезжайте за черту города, если хотите выжить.

– Ладно. Обещаю, – сказал Фабиан, включая компьютер.

– Мало того, у меня первое похмелье с тех пор, как появились эти двое, – Малин показала на свой живот и налила себе еще колы. – Но сейчас на это наплевать. Лучше расскажи о встрече.

– Похмелье? – переспросил Фабиан, думая о том, как бы ему элегантно перевести разговор на другую тему. – Получается, я-позволила-себе-хотя-я-на-сносях-и-жду-двойню?

Малин с усталым видом посмотрела Фабиану в глаза.

– Ты же знаешь этих датчан.

– Э, нет, не знаю. Расскажи. Да, кстати, ты нашла контактное лицо?

– Да, очень приятная женщина. Но хочу подчеркнуть, что я выпила максимум полтора, ну два бокала вина.

– А какой величины был бокал?

– Давай не об этом, а о встрече. Я хочу знать все.

– Доброе утро. В Копенгагене все прошло хорошо?

Они повернулись к Херману Эдельману, стоявшему в дверях с дымящейся чашкой кофе в руке и с утренними газета-

ми под мышкой.

– Да, было очень интересно, – ответила Малин. – Я собиралась рассказать о поездке на собрании в девять часов. Кстати, о собрании. Я хотела бы знать все, что...

– Между прочим, – сказал Эдельман и повернулся к Фабиану. – У тебя есть несколько минут?

– Разумеется, – Фабиан встал.

– Пойдем ко мне.

– Я успею налить себе чашку чая? – спросила Малин, также встав.

– Конечно, успеешь. Собрание начнется только через двадцать минут, – сказал Эдельман. – И нам не терпится услышать больше о прекрасном Копенгагене.

Фабиан развел руками в сторону Малин, но чувствовал, как ее вопросительный взгляд жег ему затылок, пока он шел по коридору.

Всегда, когда Фабиан переступал порог доверху забитого кабинета Эдельмана, он словно совершал путешествие во времени и попадал на тридцать лет назад. За все годы на месте начальника Эдельман упрямо отклонял любое предложение о ремонте, и теперь дело зашло так далеко, что начали говорить о том, как важно сохранить кабинет в своем первоначальном виде для будущих поколений.

Фабиан подозревал, что главное для Эдельмана – оставить свой гудящий холодильник, где всегда хранились запа-

сы икры, красного лука и холодного пива. Толстый телевизор с видеомagneитофоном, может быть, включали не так часто, но пока на полке стояла его коллекция классических видеофильмов, он явно не собирался с ними расставаться.

Он даже воспротивился тому, чтобы покрасить желтые от никотина стены, аргументируя это тем, что тогда обнаружат, что он нарушает запрет на курение.

– Садись, – Эдельман сел у окна в кресло для чтения и стал набивать трубку.

Фабиан убрал подушку и несколько папок с потертого кожаного дивана и сел.

– Так, у нас только пара минут. Последнее, что я слышал, – Полиция безопасности нашла мобильный, – сказал Эдельман и зажег трубку.

– В заливе Риддарфьерден рядом с набережной Кансликайен? – спросил Фабиан.

– Да. Как ты об этом узнал?

– Сегодня ночью мы определили местоположение телефона, и там он работал последний раз. К тому же оказалось, что у министра есть еще мобильный, но с тайным номером. Если все пойдет как надо, мы сегодня определим его местоположение.

Эдельман задумался и отхлебнул кофе.

– Ты говоришь *мы*? Я полагаю, что второй – это не я.

– Это бывшая коллега, которая больше не имеет к нам никакого отношения. Я подумал, что это лучше, чем привле-

кать Новака.

– Бывшая коллега. – Эдельман выпустил облачка трубочного дыма. – Ты имеешь в виду Ниву. А я думал, что совершенно ясно дал понять, что не надо вмешивать посторонних.

– Тебе из-за нее нечего беспокоиться. Она точно понимает, почему...

– Позволь мне решать, из-за чего мне беспокоиться.

Фабиан собрался было кивнуть, но остановил сам себя. Если сейчас он примет замечание, то рискует в скором времени потерять свободу действий. Обычно он в целом мог вести следствие так, как хотел. Но это был особый случай, и Эдельман явно считал, что может управлять им как марионеткой.

– Ты разговаривал с Гримосом за несколько часов до его исчезновения, – сказал Фабиан, решив, что сейчас либо пан, либо пропал. – О чем вы говорили?

Эдельман был явно не готов к вопросу. Но он быстро нашелся и сделал еще одну затяжку.

– Ничего важного. Иначе бы я упомянул об этом еще вчера.

– Но теперь следствие веду я, так что позволь мне решать, что важно.

Эдельман расплылся в улыбке и рассмеялся.

– Хорошо, Фабиан. Хорошо. Мы говорили о депутатских дебатах, на которые он шел. И если я не ошибаюсь, речь должна была идти о внесении каких-то поправок в законо-

дательство.

– Ты почувствовал в нем беспокойство или что-то еще, что может иметь отношение к его исчезновению?

Эдельман покачал головой и опять рассмеялся.

– Нет, но обещаю, что скажу, если что-то вспомню. Кстати, о телефонном разговоре. – Эдельман встал, подошел к письменному столу и вернулся со старым телефоном Nokia 6310i и зарядным устройством. – С этого момента я хочу, чтобы ты звонил мне с этого телефона. Номер найдешь под названием «Еврейский театр».

Фабиан взглянул на мобильный, и на него буквально пахнуло нафталином, хотя всего лишь год назад у него был подобный.

– О'кей, пока что мы все выяснили. Или, может, хочешь продолжить допрос?

– Только одна вещь. Чтобы избежать возможного непонимания, – сказал Фабиан, сделав вид, что не заметил иронии.

– Да?

– Ты дал мне задание, которое идет вразрез с четко выраженной волей начальника Главного полицейского управления.

– Конечно. Но ты знаешь так же хорошо, как и я, что...

– Херман, тебе не надо переходить к защите. Я не считаю это ошибкой. Наоборот, я считаю нашей обязанностью выяснить, что произошло. Но если что-то пойдет не так, по шапке дадут мне, а не тебе.

– Что правда, то правда. Значит, следи за тем, чтобы все шло как надо.

– Именно это я и делаю. И собираюсь продолжать. Я только хочу, чтобы ты отдавал себе в этом отчет. – Фабиан сделал усилие, чтобы не отводить взгляда от Эдельмана, пока не добьется своего.

Эдельман долго не отвечал, и тишина становилась все более давящей. Но в конце концов последовал ответ в виде едва заметного кивка.

– Уже две минуты десятого, – сказал Эдельман и пошел к двери. – Нет никаких оснований заставлять остальных ждать.

Фабиан кивнул, встал и мысленно с облегчением вздохнул. Он выиграл и теперь мог работать дальше с развязанными руками.

Софи Леандер открыла глаза, но была вынуждена зажмуриться и отвести взгляд от лампы, которая светила прямо на нее. Ей ничего не оставалось, кроме как снова закрыть глаза. Все ее тело – ноги, бедра, руки, туловище – было стянуто такими тугими ремнями, что в некоторых местах оно потеряло чувствительность. Ремень на шее был не таким тугим, но все равно не давал ей поднять голову больше, чем на миллиметр.

В каком-то смысле она сама понимала, что ничего другого и не заслуживает. Ее попытка переделать действительность под себя – такой тяжкий грех, что наказание неизбежно. Что она себе внушила? Что за все эти годы, когда ничего не происходило, срок давности истек?

Конечно, ее грызло беспокойство, что в один прекрасный день правда ее настигнет. Но такого она не ожидала. Даже самые страшные кошмарные сны не могли сравниться с той ситуацией, в которой она теперь оказалась. Обернутый полиэтиленом стол, к которому ее привязали. Дырка для экс-крементов. Лампа со слепящим светом. Рядом маленький металлический стол, все еще до блеска отполированный и пустой, и все еще отключенные аппараты, которые только и ждали, когда их включат и они начнут делать свое дело. Капельница и зонд для кормления, вставленный ей в рот. Все было на месте и говорило о том, что вопрос не в том, *если*,

а в том, *когда* это произойдет.

Софи пыталась считать сутки, но это было почти невозможно из-за постоянно горящего яркого света и прерывистого сна. Навскидку она могла сказать, что лежит крепко привязанная трое-четверо суток. По логике это должно означать, что полиция не слишком далеко. Ее муж наверняка обратился к ним в тот же вечер и дал им всю информацию, необходимую для того, чтобы как можно быстрее выйти на след.

Вопрос только, успеют ли они вовремя.

Она услышала, как под столом заурчал зонд для кормления. Скоро ее рот наполнится густой массой с резким химическим привкусом клубники. От одного только запаха Софи начинало тошнить. Один раз она решила посмотреть, что случится, если она не проглотит, а постарается выплюнуть, но рот был слишком плотно заклеен скотчем, и от своей выходки она чуть было не задохнулась. С тех пор она запихивала в себя густую жижу маленькими быстрыми глотками, пытаясь думать о чем-то другом, чтобы ее не вырвало.

Сейчас было труднее, чем обычно, и она заметила, что считает глотки. Обычно было от тридцати до пятидесяти глотков. Она сделала двадцать второй глоток и почувствовала, что не выдержит ни одного свыше сорока.

Двадцать пять, двадцать шесть, двадцать семь... Что это? Она сбилась со счета и прислушалась. Раздались шаги или померещилось? Жижа забила ей рот, и Софи попыталась проглотить.

тить все сразу, от чего ее затошнило. Если она не ослышалась, то впервые уловила присутствие другого человека.

Когда зонд наконец стих, а искусственная жижа лежала и разбухала у нее в животе, она убедилась, что кто-то действительно ходит за металлической стеной. Шаги звучали в отдалении, но если ее не подводит слух, они становились все слышнее.

А вдруг к ней идут на помощь? Только, судя по звукам, это не большой наряд полиции с оружием наперевес и сиренами на заднем плане. Похоже, к ней направляется кто-то один. Значит, пришло время? Неизбежный конец, о котором она изо всех сил старалась не думать, но которого ждала уже несколько суток. Шаги становились все слышнее, и сейчас она поняла, что вопреки тому, что думала раньше, совсем не готова. Ее моментально охватила паника, и если бы она могла, она бы закричала во все горло.

Софи не ожидала от себя такой реакции. Она беззвучно расплакалась, а тем временем отдающиеся эхом шаги становились все слышнее. Она представила себе, как скальпель проникает ей под кожу. Скоро включат электродвигатель и поднимут двери-жалюзи, и правда, которую она так долго скрывала, засмеется ей прямо в лицо.

Но электродвигатель не заработал и шаги не остановились, а пошли дальше. Значит, это не к ней. Она попыталась свистнуть и издать какой-то звук, какой угодно, но ничего не получилось. Оставалось только лежать и слушать, как шаги

удаляются и становятся все слабее.

Значит, ее время еще не пришло.

Учитывая, что случилось, и в первую очередь *с кем* случилось, Дуня Хоугор совсем не должна была удивиться такому количеству прессы, которая захватила район, словно к ним приехал цирк. «Берлингске», «Политикен», «Экстра Бладет» – все крупные газеты были на месте, и репортеры DR и TV2 вели прямые трансляции. Но она именно удивилась. По правде говоря, Дуня вообще ни на что не рассчитывала и ничего перед собой не видела. Она была полностью занята тем, как ей пережить первую половину дня.

На час позже, чем Ян Хеск и остальная команда, она вылезла из машины, подавила кислый позыв к рвоте и, пробираясь сквозь толпу журналистов, пообещала самой себе, что это в последний раз. Самый последний раз. Нет ничего хуже похмелья. Хотя сейчас у Дуни было даже не похмелье, а мучительная агония.

С головной болью у Дуни не было проблем. Она справи-лась с ней с помощью таблеток. Нет, ей не хотелось жить из-за дурноты. Вывернутый наизнанку желудок, в котором ничего не держалось и который упрямо терроризировал все тело. Два раза ей пришлось съехать на обочину, остановиться и распрощаться с большей частью завтрака, который она заставила себя съесть, чтобы не показать Карстену, как она на самом деле себя чувствует.

– Так вот ты где. Где тебя носило? – спросил ее Ян Хеск, как только она вошла в дом.

– В дороге возникли некоторые осложнения, – сказала она и заметила, что у Хеска, всегда такого стройного, под рубашкой появился животик.

– Вот как? Что это за...

– Уверяю тебя: ты не станешь слушать. Гораздо интереснее, как у вас идут дела, – ответила она, натягивая пару бахил.

– Да все как обычно. Сама знаешь, масса вопросов, но мы все выясним. Если только нам дадут спокойно работать. – Хеск повел ее по дому. – Сейчас самая большая проблема – держать прессу на расстоянии. Сама видела. Они, черт возьми, хуже, чем комары на шведской даче.

Дуня осмотрелась и сразу же поняла, что ее зарплаты, даже если она станет начальником всего отдела убийств, никогда даже близко не хватит на подобный дом.

– Ведь этот парень участвовал в «Танцах со звездами»... Когда это было? Три-четыре года тому назад. А ведь он, черт возьми, вообще не умел танцевать.

– Но вы к чему-то пришли?

– Лучше ты сама на все посмотришь. – Хеск остановился перед дверью в спальню и пропустил Дуню вперед.

Она остановилась, сделав всего один шаг, и уставилась на двуспальную кровать посреди комнаты. Последний раз она видела Карен Нойман, когда сидела у стоматолога и листа-

ла бульварный журнал. Это были фото с премьеры какого-то фильма, название которого она не могла вспомнить, и ее поразило, что Карен и Аксель выглядели как влюбленные, хотя женаты свыше двадцати лет.

Теперь Карен лежала в своей кровати, голая и вся в крови, которая натекала как из нижней части тела, так и из многочисленных ран. Подойдя ближе, Дуня увидела настолько сильные и глубокие удары, что их, очевидно, нанесли не обычным ножом, а каким-то более крупным и тяжелым предметом, который прошел через все слои кожи, а в некоторых местах даже через хрящи и кости.

– Нет, не отводи глаза. Продолжай смотреть, – Оскар Педерсен из отдела судмедэкспертизы вышел из расположенной рядом ванной комнаты в своем белом халате. – Человек ко всему привыкает, и неважно, идет ли речь о раздражающем звуке или об отвратительном запахе. В конечном итоге мы вообще перестаем это замечать. Точно такая же история с видом разорванных человеческих тел. Уверяю тебя. И согласись, что зрелище завораживает.

«Педерсен заигрался, как ребенок в Леголенде. А ведь на кровати лежит голая изувеченная женщина», – подумала Дуня.

– Какое, по-твоему, использовано оружие?

– Во всяком случае, это не нож, – Педерсен подошел к ней поближе. – Ставлю свою зарплату, что это топор. И отнюдь не игрушечный, – он показал размер руками. – Речь идет о

настоящем орудии, способном расщепить бревно одним ударом. Ты сама видишь: грудная клетка полностью раздроблена, не говоря уже о внутренних органах. — Он ввел инструмент в одну из ран на животе и раскрыл ее, чтобы можно было заглянуть поглубже.

— Думаю, мне достаточно, — сказала Дуня, почувствовав, как то небольшое, что осталось от завтрака Карстена, поднимается вверх.

— Нет, подойди и посмотри.

Хеск не мог ее спасти. Он стоял у гардероба к ней спиной. А поскольку она ни при каких обстоятельствах не хотела устраивать сцену перед судмедэкспертом, то наклонилась вперед и заглянула в растерзанные внутренности. На нее пахло чем-то сладким и густым, и ей пришлось задерживать дыхание.

— Видишь? Полностью разорвано. словно кто-то проехался по ней газонокосилкой.

Дуня, не шевелясь, кивнула, а потом выпрямилась и посмотрела ему в глаза.

— А кровь из низа живота?

— Я еще не дошел до этого, но смею высказать догадку, что он с ней немного поразвлекся, пока не съехал с катушек.

— А кого ты имеешь в виду под *он*?

Педерсен посмотрел на Хеска, который теперь повернулся к ним.

— Большинство улик указывает на то, что это Аксель Ной-

ман, – ответил Хеск.

– Аксель? Ты имеешь в виду ее мужа? – переспросила Ду-
ня, и Хеск кивнул. – Вы в этом уверены? А я думаю, что он
не способен так поступить со своей женой, – она кивнула на
кровавую баню в постели и почувствовала, как к ней начи-
нает возвращаться энергия.

– Почему ты так считаешь? Ты же еще не пробыла здесь и
минуты. Или ты читаешь сплетни в журнале «Видеть и слы-
шать»?

Дуня собиралась возразить, но передумала. Это следствие
вел Хеск, а не она. Официально у них было одно звание, но
он дольше служил в полиции, и поэтому такое большое и
сложное расследование автоматически поручили ему. Ее за-
дача – содействовать и предлагать идеи. Но не брать след-
ствие в свои руки. К тому же он попал в самую точку, говоря
о бульварных журналах.

– Итак, на данный момент мы имеем следующее. – Хеск
встал посреди комнаты. – Ноймана якобы видели в баре
Karriere Bar, в частности, с Каспером Кристенсеном, одним
из гостей его ток-шоу. По словам его коллег по TV2, он дол-
жен был ночевать в своей квартире в Вестербро. Но по ка-
кой-то причине поехал домой. Рихтер зафиксировал четкие
следы его «БМВ Х3».

– Это вы обо мне? – спросил криминалист Кьель Рихтер,
входя в комнату.

– Я только объясняю, что следы указывают на то, что Ак-

сель Нойман был здесь, а потом исчез на своей машине.

Рихтер кивнул, задумчиво почесывая щетину, которая вместе с бакенбардами и бровями явно нуждалась в тримминге.

– Но теперь по случайности мы нашли следы третьей машины.

– Что за третья машина?

– Кроме машин Акселя и Карен, здесь после полуночи была еще одна машина.

– А откуда ты знаешь, что это было после полуночи? – спросил Хеск.

– В колее нет нового снега, а согласно информации метеослужбы, снег перестал идти около двенадцати ночи.

– Значит, тут замешан третий человек, – предположила Дуня. Рихтер кивнул.

– О'кей, но это не меняет расклада, а скорее подкрепляет мою версию, – сказал Хеск. – Жена приводит кого-то домой, думая, что муж переночует в городе. Но вместо этого супруг приезжает сюда и застает их с поличным. Все сорвалось, и он бежит за топором. Тем временем Дон Жуан сматывается. Значит, как только мы его найдем, у нас будет свидетель.

Дуня пожала плечами.

– Что? Ты по-прежнему не веришь, что это он? – в голосе Хеска теперь слышалось настоящее раздражение.

Дуня не знала, что ей сказать. Дело не в сплетнях. Она была полностью уверена, что это не Аксель Нойман.

– О'кей, приведи мне хоть один аргумент, почему это не...

– Подожди, у меня звонит мобильный, – прервала его Ду-
ня и посмотрела на телефон. – Ой, это Слейзнер. Пожалуй,
мне лучше ответить... Да, Дуня Хоугор слушает.

– Я ведь могу и обидеться. У тебя действительно не запи-
сан мой номер и ты не видишь, что это я? – спросил Слейз-
нер деланным капризным голосом.

– Конечно, я увидела, что это ты, – ответила Дуня, изо
всех сил пытаюсь понять, почему он позвонил ей, а не Хес-
ку. – Но в рабочее время я всегда так отвечаю.

– Вот оно что. Тогда, пожалуй, я буду звонить тебе немно-
го чаще после окончания рабочего дня. Хе-хе...

Дуня ответила на вопрос в глазах Хеска пожатием плеч.

– Но сейчас не об этом. Пресса впилась в меня, как пияв-
ки.

– Здесь то же самое. Но если ты насчет следствия, тебе
лучше поговорить с Яном.

– Тогда бы я позвонил ему. Дело вот в чем: через час я
назначил пресс-конференцию, и мне надо что-то сказать.

– Вот как? Но...

– Что угодно. Только чтобы они на некоторое время успо-
коились.

– Слишком рано. У нас все еще нет четкого расклада, и
Рихтеру нужно больше...

– Дуня, у меня такое чувство, будто мы сбиваемся с курса.
Ведь у вас должно быть хоть что-то? Если нет, чем вы тогда

занимались столько часов?

– Кое-какие улики указывают на то, что здесь замешан третий человек. Но на данный момент мы точно не знаем, каким образом и какую роль он мог играть.

– Значит, это может быть как любовник, так и преступник?

– Или и то и другое, – сказала Дуня, почувствовав, что идет по такому тонкому льду, что не провалится только чудом. – Но пока что это лишь отдельные версии. На твоём месте я бы проявила очень большую осторожность...

– Но сейчас ты, к счастью, не на моём месте. Передай остальным, что, как только вы приедете обратно на работу, у нас будет собрание. Увидимся. – В трубке щелкнуло.

– Прости, но что, черт возьми, это значит? – спросил Хеск. – Что? Почему он звонит тебе, когда следствие веду я?

– Сама удивляюсь. Понятия не имею.

– Ты полностью в этом уверена?

– На что ты намекаешь? Что я якобы тайно встречалась со Слейзнером, чтобы взять на себя расследование?

Хеск развел руками.

– Это не я пришел сюда на час позже всех остальных.

Дуня почувствовала, что ей надо сесть.

Дурнота вернулась.

Фабиан Риск составил длинный список вещей, которые хотел проверить. Он хотел связаться с ответственным за безопасность в здании Риксдага и попросить копию видео, снятого камерой наблюдения, который он видел в Полиции безопасности. Он хотел детально изучить распечатку телефонных разговоров, которые Карл-Эрик Гримос вел последние часы до исчезновения, и к тому же встретиться с водителем, который ждал министра в машине. Но ничего этого он не мог сделать. Он мог только притвориться, что у него сколько угодно времени, и сесть с остальными за круглый стол в совещательной комнате, в которой, несмотря на то что собрание еще даже не началось, уже было нечем дышать.

Держа в руках помеченные кофейные чашки, все отодвинули стулья, которые за долгие годы протерлись и стали «своими», и сели. Один раз несколько лет назад Фабиан не удержался и сел на чей-то чужой стул, чтобы увидеть реакцию коллег. Но вскоре посчитал эту затею слишком рискованной и пересел, пока не стало поздно.

По кругу пустили термос с кофе, который так долго стоял на плите, что его вкус больше напоминал дубильную кислоту, чем кофе. Как всегда, жестяная коробка с печеньем Danish cookies застряла у Маркуса Хеглунда, который упрямо выбирал свои любимые печенья, которых, как заметил

Фабиан, становилось все больше и больше. Он не мог понять, куда девалось то, что Маркус в себя запихивал. Во всяком случае, на его талии это никак не отражалось. Правда, ему еще не исполнилось и тридцати пяти, но это ничего не значит. Организм Фабиана стал по-другому сжигать калории еще в возрасте двадцати пяти лет, и с тех пор все, что он клал в рот, упорно откладывалось снаружи.

Коробку с печеньем в свое время стал приносить не кто иной, как Карл-Эрик Гримос, и с тех пор это превратилось в традицию, существующую самостоятельно. Как упертый таракан, который никак не хочет уходить из жизни. Эдельман никогда не ел печенья и несколько лет назад сделал дерзкую попытку покончить с традицией, но ему оказали такое сильное сопротивление, что он в мгновение ока все вернул обратно. Фабиан не понимал этих протестов и был уверен в том, что на самом деле никому не нравятся масляные печенья, обсыпанные сахарной крошкой. Во всяком случае, никому, кроме Хеглунда.

– Нам надо многое обсудить, и поэтому давайте начнем, – сказал Эдельман, повернувшись к Малин Ренберг. – Малин, ты ведь приехала из Копенгагена, и, насколько я понял, поездка была по-настоящему удачной.

Малин допила свою колу и кивнула.

– Очень удачной. Я бы рекомендовала всем не упустить возможность и поехать в следующий раз. По-моему, говорили, что весной будет Берлин.

– Берлин – это здорово, – заметил Томас Перссон и провел рукой по своему ежику волос. – А ты что скажешь, Ярмо?

– Ты же знаешь, как я отношусь к поездкам, – отозвался Ярмо Пяивинен со своим ярко выраженным финским акцентом, которым упорно бравировал.

– Как бы то ни было, у меня в Копенгагене теперь есть хорошее контактное лицо, и она занимает точно такую же должность, как и...

– Малин, у тебя наверняка много интересных впечатлений и есть чем поделиться. Но я думаю, мы сделаем это в конце собрания. Если у нас будет время, – прервал ее Эдельман, одарив улыбкой.

– Как хочешь. – Она взяла печенье и посмотрела на Фабиана, который в свою очередь изо всех сил старался скрыть, что у него в кармане завибрировал мобильный.

И только когда началось собрание, он смог достать телефон под столом и прочесть СМС:

«Позвони, как только сможешь.

Нива».

Уйти прямо сейчас слишком рано. Это кончится тем, что заинтересуются все, а не только Малин. Но ждать окончания собрания – об этом не могло быть и речи.

– У нас по-прежнему нет никаких новостей по поводу Диего Аркаса? – спросил Эдельман.

– Нет, а что мне делать? Пока Ингер сидит дома с больным ребенком, я один, – сказал Маркус Хеглунд и запил печенье

глотком кофе.

– Что тебе делать? Извини, но я не могу сидеть здесь и молчать, – отозвался Томас Перссон и засунул под верхнюю губу снюс. – Маккан, ты можешь объяснить мне, почему так важно, чтобы вас было двое? Не для того ли, чтобы ты мог сидеть здесь и грызть сахар? Тебе, черт возьми, есть чем заняться.

Хеглунд закатил глаза и обратился за поддержкой к остальным, но напрасно.

– Можете думать, что хотите. Но это неправда, что я бездельничаю только потому, что Ингер больше сидит дома с больным ребенком, чем бывает здесь. Помимо клуба «Black Cat» на улице Хантверкаргатан мне и отчасти Ингер удалось выявить семь различных квартир в городе, где веселье продолжается практически круглые сутки. Конечно, можно брать квартиру за квартирой, но лучше всего провести синхронную операцию, что я не собираюсь делать без Ингер.

– Хорошо. Как скажешь, – пожал плечами Томас Перссон. – Я только считаю, что...

– Думаю, на этом мы остановимся, – перебил его Эдельман. – Если в понедельник она не выйдет, мы будем решать эту проблему как-нибудь по-другому.

Хеглунд кивнул и запихнул в рот еще одно печенье, вытирашив глаза на Томаса.

– Если что, мы с Фабианом можем помочь, – сказала Малин, повернувшись к Фабиану. – Так ведь? Как раз сейчас

нам нечем заняться.

– Почему нечем? – спросил Фабиан, хотя по ее глазам видел, что она просто подкалывает его.

– Как я сказал, подождем до начала следующей недели, – сказал Эдельман, повернувшись к Ярмо Пяивинену и Томасу Перссону. – Как я понял, у вас есть кое-какие новости в отношении машины Адама Фишера. Давайте послушаем.

Ярмо кивнул, сдвинул очки для чтения на кончик носа и стал рыться в своих документах.

– Я или ты? – спросил Томас, барабанил пальцами по столу.

– Спокойно... – Ярмо продолжал искать, и Фабиана поразило, как старо он выглядит, хотя он только на пять-шесть лет старше его самого. Одиночество ему явно не на пользу – четыре года тому назад от него ушла жена, забрав с собой детей.

– Да, я не знаю, успели ли вы послушать новости, где мы официально заявили, что речь идет о похищении.

– Что мы все время подозревали, – добавил Томас.

– Как вы знаете, это последние кадры, на которых заснят Фишер, – Ярмо раздал несколько снимков, сделанных камерой контроля скорости, которая зафиксировала Адама Фишера в его кроссовере.

– Так было до вчерашнего дня, – сказал Томас со страшно довольным видом, поигрывая татуированными бицепсами. – Вчера нам чертовски повезло.

– Может быть, лучше ты расскажешь? – Ярмо повернулся

к своему коллеге, моложе него на двадцать лет.

– Нет, нет, продолжай.

– Ты уверен?

– Да-да, рассказывай, – сказал Томас и опустил глаза на стол.

– Фишер живет в квартале Мосебакке, и я не знаю, почему мы не подумали об этом раньше. Мы просто-напросто связались с близлежащими гаражами. И в конце концов нашли то, что искали, в гараже на Слюссене.

– Что, машина была там? – спросила Малин.

– Нет, но вот пленка, отснятая камерой наблюдения, – Томас поднял DVD и встал. – Вы готовы? – Он подошел к старому телевизору, вставил диск в DVD-плеер и попытался включить видео с помощью пульта.

– Пульт не работает, – сказал Маркус Хеглунд. – Надо нажимать кнопки на телевизоре. Подожди, я тебе покажу. – Он встал и подошел к Томасу.

– Нет, все в порядке. Я сам все сделаю, – отозвался Томас и стал искать пальцами нужную кнопку.

Пока они включали аппаратуру, у Фабиана снова завибрировал мобильный.

«Скоро пойду на совещание, и тогда до конца дня занавес будет опущен.

«.

Фабиан больше не мог ждать и встал.

– К сожалению, мне надо идти.

– О'кей. Ничего страшного, – сказал Эдельман.

– Что значит – ничего страшного? – спросила Малин. – Из-за какого такого важного дела ты должен уйти посреди собрания, когда ты даже не ведешь никакого следствия?

– Это из школы, где учится Матильда. Они просят меня как можно быстрее позвонить.

– Понятно. Будем надеяться, что ничего серьезного.

– Да, будем действительно надеяться, – сказала Малин и покачала головой в сторону Фабиана, когда тот выходил из комнаты.

– Ладно, давай ты, – сказал Томас и отошел в сторону, чтобы Хеглунд смог несколько раз нажать на одну из маленьких кнопок, после чего телевизор ожил.

Пока шли гудки, Фабиан Риск рассматривал себя в зеркале над раковиной. У него еще не было кругов под глазами. Но через несколько дней они появятся, и тогда он будет выглядеть как минимум на десять лет старше. Он выдернул из носа пару волосков и понял, что левый бакенбард длиннее правого.

– Наконец-то.

– Мы подозреваем, что Полиция безопасности нас прослушивает. Так что с этой минуты пользуйся этим номером, – сказал Фабиан. – Ты что-нибудь выяснила?

– Вот прямо возьми и скажи. И никаких прелюдий?

– Извини, как-нибудь в другой раз. Именно сейчас...

– Только скажи, где и когда. А ты не забыл, что уже должен мне бокал вина?

– Нет, нет, конечно, не забыл. За кого ты меня принимаешь?

– Ни за кого. Во всяком случае, пока. Но то, что я сейчас скажу, тянет как минимум на ужин.

– Может быть. Но сейчас я не знаю, что у тебя есть.

– Да, ты покупаешь кота в мешке и надеешься на лучшее.

– Иными словами, у меня нет другого выбора?

– Фабиан... У человека всегда есть выбор.

Она играет с ним, и ему следует соблюдать правила игры.

– Молчание – знак согласия. Так что ты выбираешь?

– Кота.

– Хорошо. Выбрать было не так трудно. И можешь быть совершенно спокоен. Я уверена, что ты будешь доволен. Сообщение на автоответчике Гримоса оставила женщина по имени Сильвия Бреденьельм, и всего лишь несколько минут назад она позвонила на номер без абонентской платы 073–785 66 29.

– Это номер тайного телефона Гримоса?

– Так точно.

– А у тебя есть распечатка мобильного трафика и на этом номере?

– Да, но им пользуются только эти двое, так что если ты не собираешься работать в бульварной газете «Экстренные происшествия», тебе нечего тратить на это время. А сейчас появится кот. Ты готов записать?

Фабиан достал шариковую ручку и закатал рукав пиджака.

– Готов.

– 59.311129, 18.078073.

Фабиан записал комбинацию цифр на внутренней стороне руки.

– А это что?

– Последнее местоположение мобильного, плюс-минус десять-пятнадцать метров.

– А он еще включен?

– Нет, он исчез вчера в 16:04, то есть почти через сорок минут после первого.

– Потрясающе, Нива. Ты мне действительно очень помогла. Я позвоню.

– Знаю.

Фабиан закончил разговор, спустил воду и вышел из туалета. Наконец-то у него появилась конкретная зацепка. Не садясь за письменный стол, он включил компьютер и зашел на Гугл Карты, куда ввел координаты, записанные на руке. На экране показалась карта Стокгольма, и красный маркер в виде воздушного шара указал вниз, на район Седермальм. Фабиан увеличил картинку до уровня улиц и увидел, что маркер показывает адрес: улица Эстгетатаган, 46.

Раньше он не понимал смысла в гигантской работе, которую проделал Гугл, чтобы сфотографировать угол каждой улицы в Стокгольме – первом городе Швеции, где был предоставлен этот сервис. Но когда ему в конечном итоге удалось овладеть командами и обнаружить здание на углу улиц Эстгетатаган и Блекингетатан, он мысленно поблагодарил их. Закрытый строительными лесами, дом выглядел словно нежилой.

Снимок, скорее всего, сделан осенью, и нет никакой гарантии, что здание по-прежнему на ремонте. Если окажется, что ремонт еще идет, или, что лучше, прерван в ожидании, когда закончится финансовый кризис, это отличное место, где можно прятать жертву.

Он очистил историю поиска, выключил компьютер и чуть было не налетел на Малин Ренберг.

– Как же ты спешишь, а ведь тебе нечем заняться. Во всяком случае, насколько мне известно.

– Малин... Извини, но у меня нет времени, – он попытался обойти ее, но она не пускала его.

– Какая неудача. Я не сдамся, пока ты, черт возьми, не расскажешь, что происходит.

Фабиан быстро прокрутил в голове различные варианты, но понял, что у него нет шанса двигаться дальше, сказав только половину правды.

– Садись в машину и поезжай за мной.

В это утро, точно так же, как всегда, в одиннадцать часов он сидел у углового окна, пил кофе и решал sudoku, слушая по Radio Stockholm сводку о ситуации на дорогах. Он не знал, почему, но, сколько он себя помнил, ему нравились сводки о ситуации на дорогах и прогноз погоды, а особенно длинные морские сводки, которые детально описывали направление и силу ветра в каждом уголке шведского побережья.

Но именно это утро отличалось от всех других. Хотя он прослушал всю морскую сводку, он совсем не чувствовал себя спокойно. Волнение подкралось к нему незаметно. Он попытался побороть его с помощью японского пазла, но не смог внести ни одной цифры. Мысли словно сами решали, о чем ему думать, и давали ему все меньше возможности высказаться.

А ведь он все эти годы так упорно работал над тем, чтобы взять их под контроль. Теперь они опять возникли и заставляли его думать о массе запрещенных вещей. Он сделал радио громче и взял sudoku попроще. Но даже это не помогло, и, в конце концов, ему пришлось выключить радио и отложить ручку.

И тут до него дошло, что изменения начались еще несколько недель назад. Может быть, даже еще раньше. И

чем больше он об этом думал, тем больше понимал, что в последнее время все стало по-другому. У него было необычайно плохое настроение, но это еще не все. Например, он надел голубую рубашку, хотя сегодня четверг, а по четвергам он всегда надевает зеленую. А что с прогулкой вокруг залива Орставикен в прошлое воскресенье? Он вообще ходил на прогулку? Он не помнил.

Это не единственное, чего он не помнил. Вся прошлая неделя, можно сказать, превратилась в одну большую черную дыру. Исключение – вчерашнее утро, оттуда он помнил какие-то отдельные моменты. Он слишком долго лежал в кровати и не мог не думать обо всем том, о чем обещал себе никогда больше не думать.

Но оставшуюся часть дня он забыл напрочь.

Он принимал все свои лекарства, тут нет никаких сомнений. Каждый день – утром, после обеда и вечером он запивал таблетки стаканом чуть теплой воды, ощущая, как они опускаются вниз по пищеводу. Так что дело не в этом. Тогда в чем? А что, если он делал это только мысленно, не подкрепляя конкретным действием? Или доза была слишком слабой? Как там сказал врач? Они должны увеличить или уменьшить? И что там пахнет? Он ведь не забыл вынести мусор во вторник?

От всех вопросов у Оссиана Кремпа закружилась голова, и он почувствовал, что должен лечь и отдохнуть. Но не выйдет. Особенно из-за этих мужчины и женщины, которые все

ходят и ходят по улице. Так люди не делают, подумал он и пошел за биноклем. Люди куда-то идут, а не кружат на одном месте, как те двое. Вперед-назад, туда-сюда, как будто что-то ищут.

Он не знал их. Но через какое-то время сумел вычислить их машину и путем простого поиска в интернете выяснил, что ее владелец некто Фабиан Риск, который, как оказалось, занимается расследованием убийств в Государственной криминальной полиции Стокгольма. Беременная женщина – должно быть, его коллега и тоже одна из подчиненных Хермана Эдельмана.

В каком-то смысле он ни капельки не удивился. В глубине души он только и ждал, что они вылезут из своих нор и покажут свои отвратительные дьявольские хари. Правда, он не рассчитывал, что все произойдет так быстро. Но вот они здесь. Проклятые полицаи.

Интересно, как это произошло? Он ведь сделал все, чтобы схорониться, как только вышел на свободу. Он не только взял девичью фамилию своей матери, но и не повесил табличку с этой фамилией на дверь квартиры, которую снимал через одного или даже нескольких посредников. Он усмирил в себе все страсти и стал ждать в уверенности, что в один прекрасный день, как ему обещал врач, полностью избавится от своего прошлого Я.

Но это не сработало. Хотя он делал точно так, как ему велели, и выполнял все предписания, в нем горел огонь. Врач

задавал ему вопросы, а он отвечал то, чего от него ждали. В глубине души уже через год лечения он осознал, что это никогда не утолить. Что бы ни делал, это никуда не денется.

Голод.

Он снова посмотрел в бинокль и увидел, как двое полицейских скрылись под строительными лесами. Они его в самом деле уже нашли? И кто дал им право прийти сюда и тренировать его? Выбить дверь и ворваться. Прижать его к полу, надеть на него наручники и обыскать его дом.

Допустим, ему в голову приходят запрещенные, неуправляемые мысли. Допустим, он и его врач несколько лет безуспешно работали над тем, чтобы их заглушить. Допустим, для окружающих так будет лучше всего. Но его самого это больше не беспокоило. Ни в малейшей степени, если уж честно. Первый раз за несколько лет он соглашался с ними вплоть до мельчайшей детали. Он соглашался с каждой из своих запретных мыслей.

Если эти мерзкие гребаные сучки сунутся к нему, он будет готов.

Он вопьется в них зубами и разорвет их на куски.

Терять ему все равно нечего.

Только бы этот день кончился, подумала Дуня Хоугор и представила, как забирается под одеяло и засыпает до прихода Карстена домой. Но день только начался, и хотя она выпила как минимум два литра воды и приняла несколько порций препарата Resorb, она по-прежнему чувствовала себя совершенно разбитой.

Она налила себе чашку черного кофе и села на свое место за стол для совещаний напротив Яна Хеска, который, похоже, по-прежнему не сомневался, что она за его спиной о чем-то договорилась с Кимом Слейзнером. Кьель Рихтер сидел с торца и пытался найти, куда бы ему отвести взгляд. Все молчали, и тишина с каждой минутой становилась все более ощутимой.

Наконец открылась дверь и вошел Слейзнер, обводя глазами комнату. На нем была рубашка с запонками и галстук, а на лице остался грим после пресс-конференции. Насколько знала Дуня, больше никто из мужчин-полицейских не гримировался перед пресс-конференцией. Но Слейзнер любил пресс-конференции как никто другой, и созывал их по делу и без. Никто лучше него не мог стоять в свете прожекторов и делать из мухи слона.

– Кто-нибудь из вас видел пресс-конференцию? – Он подошел к кофе-машине Nespresso.

Все – Хеск, Рихтер и Дуня – покачали головами.

– Не спрашивайте как, но мне чудом удалось заставить всех поверить, что мы, черт возьми, знаем, чем занимаемся. Так что теперь ваша очередь позаботиться о том, чтобы я не наобещал слишком много. – Он вставил капсулу, предоставив машине сделать все остальное.

«Как всегда, не заплатив», – подумала Дуня. Хотя он отчитывал всех остальных, как только кончались деньги на кофе. Сама она никогда не пользовалась кофемашиной. Не столько из-за нравоучений Слейзнера, сколько из-за того, что ей не нравился вкус этого кофе, который все остальные так единодушно считали потрясающим. Для нее было загадкой, как более или менее весь западный мир согласился на промывание мозгов и членство в секте: ты должен покупать кофе на роскошных улицах и переплачивать втрое. Не говоря уже об экологии.

– О'кей, послушаем, что мы имеем. Какую версию мы отработываем?

Хеск откашлялся и встал.

– Как уже было сказано, мы по-прежнему в начале расследования, и у нас масса вопросов без ответа, но исходя из тех следов, которые нашли Кьель и его люди, больше нет сомнений, что тут замешан третий человек.

Как всегда, Хеск упорно вставал, обращаясь к Слейзнеру, и, как всегда, Дуня не могла понять почему.

Уж если кто и презирал Слейзнера и то, что он собой

представляет, так это Ян Хеск. Но, наверное, он таким образом просто проявляет гибкость и делает все, чтобы стать членом клуба и двигать свою карьеру.

Чем больше она об этом думала, тем больше раздражалась. Хеск постоянно заискивал перед теми, кто стоял на несколько ступенек выше него. Если бы это давало преимущество, он бы наверняка не дрогнул, если бы Слейзнер спустил штаны и...

– Она весь день где-то не здесь...

Только через несколько секунд Дуня поняла, что Хеск имеет в виду ее.

– Прости, о чем это ты?

– Ты тоже так считаешь? – спросил Слейзнер, повернувшись к ней.

– Версия, – уточнил Рихтер. – Ну, ты знаешь. Нойман приезжает домой, застаёт жену в постели с мистером Большой, приходит в ярость и хватается за топор.

– Извини, я немного отвлеклась, но... – сказала Дуня, не имея ни малейшего понятия, как ей продолжить, не наступив Хеску на большую мозоль.

– Что – «но»? – спросил Хеск.

– Не знаю. Но сколько бы я ни думала, мне трудно представить себе, что Аксель Нойман мог сделать нечто подобное. – Она посмотрела на один из снимков расчлененного тела Карен Нойман.

– Я связывался с персоналом бара Karriere Bar. Там явно

было выпито много джина с тоником, – заметил Хеск.

– К тому же он не раз избивал людей в барах, – добавил Рихтер.

– Да, но тем не менее, – Дуня нащупывала продолжение. – Может быть, звучит банально, но Аксель и Карен – одна из тех пар, которые после всех лет производили впечатление настоящих влюбленных.

– Дуня... Мы же полицейские, которые расследуют преступление, а не авторы сценария новой мыльной оперы, – сказал Хеск, закатив глаза.

– Но идея хорошая, – отозвался Рихтер и взял свой мобильный, который зазвонил. – Похоже, здесь будет много сюжетных поворотов. Да, Рихтер слушает... – Он встал и вышел из комнаты.

– Я только думаю, что это не он, – произнесла Дуня.

– А кому интересно, что ты *думаешь*? – спросил Хеск. – И если он так невиновен, как ты утверждаешь, почему тогда он исчез?

– Не знаю. Надеюсь, когда мы найдем его, он даст нам достойный ответ. Но если он вернулся домой раньше, чем планировал, преступник мог еще быть в доме и Аксель мог начать его преследовать. Вполне в его духе, особенно если он был пьяным.

– Именно. Это то, что имел в виду Кьель, – сказал Слейзнер и кивнул в знак согласия.

– И еще я думала вот над чем...

– Может, поговорим об этом после, во время кофе-паузы? – перебил ее Хеск. – Если мы хотим взять его, пока он далеко не ушел, мы должны...

– Пожалуйста, дай ей договорить, – Слейзнер знаком попросил Хеска сесть.

Хотя Дуня краем глаза видела, что Хеск готов взорваться, ей ничего не оставалось, кроме как продолжить.

– Ян, я не понимаю, почему ты на меня злишься.

– Не понимаешь?

– Нет, я всего лишь пытаюсь продвинуть следствие вперед. Конечно, я могу ошибаться, но я чувствую: тут что-то не так. Взять хотя бы орудие убийства: по словам Педерсена, это здоровый топор. А я не увидела в доме ни поленьев, ни камина, значит, там нет никакого топора. Тогда откуда он взялся? Аксель возил его с собой в машине на случай, если ему понадобится кого-то убить?

Хеск задумался и через какое-то время пожал плечами.

– Что ты хочешь этим сказать? – спросил Слейзнер, не глядя в сторону Хеска.

Дуня показала один из снимков с изображением Карен Нойман на окровавленной кровати.

– Только посмотрите, сколько здесь крови. И тем не менее, я не вижу ни одного кровавого следа ни на полу, ни в холле. Значит, преступник хорошо подготовился и постелил полиэтилен или что-то такое. – Она положила снимок обратно в пачку. – Кто бы это ни был, он не новичок.

– Да, не отрицаю, что в этом больше логики, – сказал Слейзнер в тот момент, когда в комнату вернулся Рихтер.

– Готов анализ следа третьей машины, – сказал он, садясь на место. – И тут есть одна довольно интересная деталь. – Он сделал искусственную паузу, но слишком короткую, чтобы ее успели заметить. – По всем признакам, это спортивная машина с двойными шинами.

– Двойными шинами? – переспросила Дуня. – Кто в наше время ездит с двойными шинами?

– Вот и я спрашиваю.

– Шведы. Они без ума от двойных шин, – подал голос Хеск. – Когда мы ездим в Смоланд на Рождество, там каждый Эмиль разъезжает на своей «вольво» с двойными шинами.

– Значит, мы имеем дело с преступником-шведом, – заключил Слейзнер. – Час от часу не легче.

– Я по-прежнему склоняюсь к Акселю Нойману, но в то же время не хочу ничего исключать. Поэтому думаю объявить его в розыск и параллельно работать над шведским следом, – предложил Хеск.

Дуня кивнула с облегчением – лицо Хеска становилось нормального цвета.

– Мы можем выяснить в компании «Scandlines», была ли у них на ночном пароме спортивная машина со шведскими номерными знаками. Если преступник из Швеции, он мог сесть на паром до Хельсингборга.

– Хорошая мысль, Дуня. И кстати, – Слейзнер встал, – теперь вы докладываете все Дуне, которая с этой минуты отвечает за расследование и, в свою очередь, докладывает непосредственно мне. Вопросы есть?

Никто ничего не сказал, и через секунду Слейзнер вышел из комнаты.

Но в комнате, словно плотный липкий туман, повисла тревога. Дуня чувствовала, как комок в горле все растет и мешает ей дышать. К тому же из-за дурноты то небольшое, что она съела в обед, готово было выйти наружу. Она не знала, куда ей деваться, куда смотреть или что сказать, и больше всего ей хотелось провалиться сквозь землю.

Но ей ничего не оставалось, кроме как остаться сидеть со своими мыслями, которые, подобно разъяренным журналистам, забрасывали ее вопросами. Это ее вина? Она переступила черту, заняла слишком много места и переборщила со своими идеями? Или Слейзнер планировал это с самого начала? Именно поэтому он позвонил ей, а не Хеску на место преступления? Но в таком случае почему? Чего он на самом деле добивается? Ведь есть какая-то цель.

Это единственное, в чем она совершенно не сомневалась.

– О'кей, – сказал Рихтер на выдохе, прервав молчание. – Кто-то понимает, что, черт возьми, происходит?

– Понятия не имею. Я абсолютно ничего не понимаю, – сказала Дуня, повернувшись к Хеску. Только сейчас она увидела, как того трясет от злобы. Он мог рассердиться, она это

знала. Ян сам рассказывал, как в детстве доходило до того, что он бросал вещи на пол и пинал стены до дыр. Но таким злым она его никогда не видела.

– Ян, поверь мне. Я так же, как и ты, ничего не понимаю. Ты ведешь это следствие, и я, я...

Хеск прервал ее, фыркнув, и вперил в нее взгляд.

– Не надо сидеть здесь и пытаться...

– Ничего я не пытаюсь. Я просто говорю, как...

– Закрой рот, сучка! – он встал так, что опрокинул стул. – Ты думаешь, я не понимаю, чем ты занимаешься? Да?

Дуня тоже хотела встать. Показать, что ей нечего стыдиться. Опрокинуть стул, угрожающе поднять палец и послать его к черту, раз уж он все равно не хочет ее выслушать. Но ноги ее не слушались, и закон притяжения по какой-то причине действовал с особой силой именно там, где она сидела.

– Я понимаю, что ты взволнован. Но почему бы нам не попытаться обсудить это как взрослые люди? Я считаю, что если мы будем работать вместе, мы должны забыть об этом, и...

– Забыть об этом? – Хеск засмеялся и обошел стол. – Как ты это себе представляешь? – Он встал прямо перед ней и посмотрел на нее сверху вниз. – Ты явно ничего не поняла. Выпендриваешься тут, как проклятая шлюха, которая ничего знать не хочет. Но могу тебе сообщить – это только самое начало твоего маленького ада. Так что лови момент и наслаждайся, тебе больше никогда не будет так хорошо, как сей-

час. – Хеск вышел из комнаты.

Дуня осталась сидеть, по-прежнему не в силах подняться.

Ремонт здания на углу улиц Эстгетагатан и Блекингегатан прервали на середине, и хотя можно было совершенно спокойно идти по тротуару, большинство предпочитало обходить по улице. Ветер сорвал большой кусок защитной сетки, и теперь он свисал, колыхаясь, со строительных лесов, сконструированных из железной арматуры, которая зловеще трещала и скрипела. Последствия финансового кризиса налицо.

Фабиан и Малин обыскали участок перед зданием, но, не найдя тайного мобильного телефона министра, подошли к парадному дома 46 по улице Эстгетагатан. Как они и ожидали, вход был закрыт, но с помощью железной трубы из строительных лесов Фабиан выбил одно из шести окон в двери, просунул в отверстие руку и открыл защелку с внутренней стороны. Вход был завален строительным мусором и весь в пыли. Со стен и потолка свисали засохшие ошметки краски. По одной стене выстроился в ряд десятков старых унитазов, а по другой стояли ванна и холодильник.

— У нас примерно так же, — сказала Малин, подходя к ряду унитазов, где мелькнуло что-то темное на четырех ногах. — При ближайшем рассмотрении здесь, пожалуй, немного почище.

— Во всяком случае, идеальное место, если хочешь, чтобы тебя оставили в покое, — сказал Фабиан и пошел по следам

на пыльном полу к лифту.

– О'кей. Как мы поступим? Здесь можно искать годами. Ты уверен, что правильно записал все цифры? Ведь если хоть одна цифра не та, мы попадем в Хапаранду или Куала-Лумпур.

– Уверен. Но даже если цифры совпадают, не факт, что мобильник все еще здесь. – Фабиан открыл дверь лифта и заглянул в кабину.

– Ноги моей здесь не будет.

– Но следы ведут сюда.

– Во всяком случае, не мои.

Малин стала подниматься по ступенькам каменной лестницы, где светлым ковром лежала строительная пыль. Никаких следов обуви видно не было. Зато вдоль и поперек виднелись бесконечные хаотичные следы крысиных лапок.

«Как только человек отступает, природа берет свое», – подумал Фабиан и пошел вслед за Малин вверх по лестнице. Следы, отличные от крысиных, встретились им только на четвертом этаже. Четкие следы грубых ботинок, которые вели от лифта к двери самой дальней квартиры справа. Перед другими дверьми лежала нетронутая строительная пыль.

Малин достала мобильный и несколько раз сняла следы крупным планом. Тем временем Фабиан подошел к двери без таблички, приложил одну ладонь к глазку и осторожно открыл щель для почты другой рукой.

Он ничего не увидел, поскольку было слишком темно, и

ничего не услышал. Он сделал Малин знак подойти и приложить ладонь к глазку, а сам стал светить мобильным в щель для почты. Внизу лежал потертый коврик, а в самой глубине налево у стены стоял рулон защитной полиэтиленовой пленки.

– Давай вызовем наряд. Пусть они войдут первыми.

– Пока следствие официально ведет Полиция безопасности, мы не можем это сделать. – Фабиан осторожно закрыл щель для писем и потрогал дверную ручку. Дверь была заперта. Тогда он подошел к двери соседней квартиры, которая оказалась незапертой. – Подожди здесь.

– Мне просто стоять здесь и... – она оборвала сама себя со вздохом.

Все выглядело так, как бывает в квартирах, где идет ремонт. Засранно и запущенно. Пол в нескольких местах был разломан, а с потолка свисали оголенные электрические провода. Помимо матраса, явно выдавшего разное, никакой мебели не было. Фабиан подошел к единственному окну в комнате, открыл его и вылез наружу.

Нельзя сказать, чтобы он страдал от головокружения. Но ему было не по себе на большой высоте, и он до сих пор не совершил полет на воздушном шаре, подаренный ему на сорокалетие коллегами. Первые два года они спрашивали, когда он собирается использовать подарочный сертификат, и он все время отвечал уклончиво, пока не понял, что единственный способ заставить их замолчать – соврать, какое по-

трясающе сильное впечатление произвел на него полет. Конечно, у него был с собой фотоаппарат, но он был настолько заморожен видом, что совершенно забыл о съемке.

Теперь ему оставалось лишь надеяться, что обледеневшие строительные леса не рухнут. Главное, не смотреть вниз. Лучше смотреть вперед, крепко держаться за что-нибудь одной рукой – только бы не поскользнуться.

Через три окна Фабиан добрался до закрытой квартиры. Из-за опущенных жалюзи ничего не было видно. Он огляделся в поисках какого-нибудь инструмента, но ничего не нашел и решил попробовать выбить окно ногой, что было гораздо сложнее, чем он предполагал. «Если в квартире кто-то есть, у них достаточно времени подготовиться», – подумал он, влезая внутрь через разбитое окно.

Приземлившись на пол, он огляделся и убедился, что в комнате примерно двадцать квадратных метров, и в отличие от первой квартиры пол здесь более или менее чистый. Вдоль одной стены располагалась кухонька с варочной панелью, мойкой и холодильником, на котором сидела и смотрела на него фарфоровая кукла с длинными выющимися волосами, в платье и в шляпе в тон.

Он прошел в соседнюю комнату, где было так темно, что, сколько ни старайся, глаза все равно не могли привыкнуть. Он стал шарить рукой по стене и, в конце концов, нашел кнопку, от которой зажглась люстра в центре комнаты. Из-за сильного света ему пришлось отвести глаза. Через ка-

кое-то время он разглядел обернутый полиэтиленовой пленкой стол с дыркой посередине. По краям стола свисали отдельные ремни.

Полчаса назад Кьель Рихтер пожелал Дуне удачи и оставил ее одну в совещательной комнате. Но она продолжала сидеть, пытаясь собраться с силами, чтобы войти в отдел с прямой спиной.

Дурнота наконец прошла, но ее сменила сильная головная боль. Если она в ближайшее время что-нибудь не выпьет, голова расколется. Кроме того, ей надо было еще сходить в туалет.

Она обдумала свои возможности и пришла к выводу, что, помимо Слейзнера, с которым она ни за что на свете не хотела иметь дело, у нее никого нет. Хеск слишком хороший полицейский и не пустит следствие на самотек, но он без сомнения будет делать все, чтобы вставлять ей палки в колеса.

Рихтер – один сплошной вопрос. В его «удачи» она не смогла уловить ни явной иронии, ни заботы. Возможно, он сам понятия не имеет, на чью сторону встать, и если она достаточно хорошо его знает, во время кофе-паузы он пойдет по пути наименьшего сопротивления.

Иными словами, с ней все заранее ясно. Никто не ждет от нее, что она справится. Возможно, даже Слейзнер. Но просто залечь на дно и сдаться – не выход. Никто не протянет ей руку помощи и не поможет исчезнуть. Единственная альтернатива – попытаться взвалить на себя ответственность,

довести следствие до конца и показать всем, что с ней надо считаться.

К сожалению, она сама в это не верила.

Дуня потянулась к блюду с фруктами, взяла маленькую красную салфетку, лежавшую в самом низу, и вытерла пот со лба. Потом закрыла глаза, сделала несколько глубоких вдохов, схватилась за столешницу и осторожно встала.

У нее тряслись руки и ноги, а пульс буквально стучал в ушах. Но надо привыкать. Хеск, возможно, абсолютно прав. Это только начало ее маленького ада.

Отперев дверь и впустив Малин в квартиру, где шел ремонт, Фабиан вернулся к длинному узкому столу, стоявшему посредине в большей из двух комнат. Стол был привинчен к полу стальными уголками и обернут прозрачной полиэтиленовой пленкой, которая в свою очередь была скреплена степлером с внутренней стороны. Под отверстием находилась воронка, посредством грубого шланга соединенная с канистрой. Но канистра была пуста, а воронка, похоже, совершенно чистая. Так же, как и полиэтилен, и привинченные к столу ремни, свисавшие по сторонам. Фабиан не увидел никаких следов ни крови, ни экскрементов.

Наоборот, в отличие от остальной комнаты все это выглядело совершенно новым и свежим. Головки винтов, которые крепили ремни, блестели, а на потолочной лампе не было пыли. Или кто-то скрупулезно и тщательно убрал после себя, или установку еще не использовали.

Он подошел к окнам, закрытым древесноволокнистыми плитами и аккуратно обклеенным скотчем по краям. Все для того, чтобы в комнату не проникал свет и с улицы ничего не было видно. В углу стоял еще один рулон защитной пленки. В куче на полу лежали аккумуляторная отвертка и циркулярная пила вместе с длинным удлинителем.

Совершенно ясно, что эта квартира на ремонте для че-

го-то подготовлена. Вопрос только для чего?

Пыток? Операции? Расчленения?

Или это жуткое устройство, чтобы держать кого-то под стражей? Кто стоит за всем этим и кто должен лежать здесь привязанный? Если министр юстиции, почему в таком случае его тут нет? Его тайный мобильный явно побывал в этой квартире. Но где он сейчас? И главное: где сам министр? Вопросы росли, как снежный ком.

Фабиан вздохнул.

– Малин, как насчет раннего обеда? Я угощаю. – Он хотел взять паузу и проветрить голову, прежде чем идти дальше.

– Уже? – отозвалась Малин из прихожей. – Давай только сначала закончим здесь.

– Хорошо.

Фабиан вошел в соседнюю комнату с кухонькой. Единственное, что ему оставалось осмотреть. Как и в остальной квартире, здесь было относительно чисто. На мойке стоял электрический чайник с выдернутым из розетки шнуром, а в сушке – перевернутые вверх дном стакан и кофейная чашка. Кто-то пробыл здесь несколько часов, самое большее сутки.

Он повернул кран, из которого сначала вышло немного воздуха, а затем полилась ровная чистая струя воды. Никаких коричневых сгустков. Из крана вышел воздух, но не ржавчина. Кто-то был в квартире неделю-две тому назад. Вероятно, для подготовки. Если какие-то люди приходили сюда в течение последних суток, они, во всяком случае, не спус-

кали воду. Фабиан закрыл кран и открыл холодильник, который, к его удивлению, был включен. В холодильнике лежал полиэтиленовый пакет с несколькими кусками ржаного хлеба, сверток с печеночным паштетом и почти пустая стеклянная банка маринованных луковиц.

В морозилке лежало два покрытых инеем пакета с заморозкой. Он достал один из них, надавил на него и стер иней. Первое, что пришло ему в голову, – это белый ленточный червь, свернувшийся в клубок. Он никогда не видел их в жизни, но слышал, что они могут быть длиной до двадцати метров. Но заметив на этикетке надпись *«колбасная оболочка»*, он понял, что это свиные кишки для изготовления домашней колбасы. Во втором пакете находились внутренности поросенка или цыпленка.

Фабиану никогда особо не нравилась еда из trebuхи, хотя у него была поваренная книга тридцатых годов с огромным количеством рецептов блюд из внутренних органов. В частности, латиноамериканский деликатес копченое коровье сердце. Но кто ест такое в наши дни? И в первую очередь, какое это имеет отношение к исчезновению министра?

– Фаббе! Иди сюда! Посмотри! – закричала Малин.

Фабиан пошел из большой комнаты в коридор и увидел. Он заметил ее только сейчас. Наверное, потому что стоял спиной и был сосредоточен на длинном узком столе. Он уже видел похожую на холодильник в другой комнате, и, может быть, именно поэтому обратил внимание. На электрощите

сидела еще одна фарфоровая кукла – блондинка с вьющимися волосами и голубыми глазами, которые смотрели прямо на него.

Он снял куклу и оглядел ее. Ему никогда не нравились куклы, особенно фарфоровые. Хотя они были небольшого размера, у них были такие правдоподобные лица, что становилось не по себе.

В детстве бабушка, папина мама, сделала ему подарок на Рождество, и его до сих пор передергивает, когда он вспоминает, как кукла сидела на полке среди других игрушек и всю ночь пялила глаза. Скоро ему стали сниться кошмары, и он спал все хуже и хуже. Он спрятал подарок в шкаф и накрыл одеялом. Он даже кидал ее. Но его мама упорно сажала ее обратно на полку, аргументируя это тем, что она очень красивая и дорогая.

И однажды после обеда, когда дома никого не было, он набрался мужества, запихнул куклу в рюкзак и пошел в сторону бетонного завода за Койаком – высоким холмом в Дальхеме, прямо к северу от Хельсингборга. Здесь он перелез через забор с надписями о том, что посторонним вход воспрещен, что делал часто, и бросил бабушкин подарок в бадью с раствором. Он немного постоял и посмотрел, как она медленно опускается в густую бетонную смесь и исчезает. Во всяком случае, из его жизни. Может быть, она сидит где-нибудь замураванная в стене и пялит глаза.

– Фаббе! Чем ты занимаешься?

Он пошел дальше, к Малин, которая находилась в ванной комнате. Она стояла в ванне и светила на дырку в стене.

— Иди, посмотри сюда, — она отодвинулась в сторону и отдала ему карманный фонарик. — Видишь?

Фабиан кивнул. На примерно метровой глубине в тесном пространстве сантехнической шахты застряли широкополая шляпа и черное пальто с меховым воротником.

— Это же одежда Гримоса? Разве нет?

— Конечно, но...

— Что «но»?

— У меня одно с другим не складывается. — Он повернулся к Малин. — Честно говоря, я ничего не понимаю.

— Что ты не понимаешь? Гримос был здесь и...

— Но почему? Он сам сюда пришел, или его кто-то привез?

— Если бы не орудие пытки в комнате, я бы подумала, что он пришел сам. Может быть, он знаком с владельцем квартиры и знал, что сюда может прийти и спокойно переодеться, чтобы потом исчезнуть.

— Но...

— Теперь я больше склоняюсь к тому, что его кто-то привез.

— О'кей, но почему здесь никого нет?

— Они привезли его в квартиру и раздели. Не спрашивай меня почему. Может быть, потому что он был нужен им в другой одежде. И тут, в разгар всего этого, они находят его тайный мобильный и понимают, что рано или поздно здесь

появимся мы. И поэтому они как можно быстрее убираются отсюда и... вуаля.

– Ты считаешь, что он один вышел из Депутатского здания, а у набережной Кансликайен его схватили и похитили?

– Возможно, до того, как он вышел, ему предъявили ультиматум. В любом случае, он вышел на двадцать минут позже. Ну, не знаю. – Она вздохнула и протянула Фабиану швабру. – Я просто пытаюсь связать одно с другим.

Фабиан взял швабру, опустил ее в шахту и выудил одежду, а также портфель министра, который застрял поперек.

Они вылезли из ванны, и, пока Малин осматривала одежду, Фабиан занялся портфелем. Помимо наполовину пустой коробочки с лакричными леденцами, трех шариковых ручек и органайзера, там лежала папка с документами. Быстрый просмотр показал, что в папке находится несколько различных отчетов и материалов по итогам поправок к законам за последние годы.

Но органайзер был еще интересней.

В наше время большинство перешли на электронный календарь, но только не Гримос.

Он принадлежал к старой школе, когда все адреса и телефоны записываются от руки и доступны без пароля. К тому же страницы были заполнены назначенными встречами и заметками, например: *«Когда до членов экологической партии наконец дойдет, что есть смысл пользоваться дезодорантом? ...Эта тетка из социал-демократов по-прежнему не*

знает, о чем говорит... Может быть, в постели она ничего? ...Не забыть записаться в...» И так далее.

Но пульс у Фабиана участился не от самого содержания, а от почерка. Это происходило с ним крайне редко. Подобные случаи Фабиан мог по пальцам сосчитать. Но когда у него возникало такое чувство, результат превосходил все ожидания. Как красивый гол в футболе после одного безнадежно затянутого матча за другим. Это был тот самый случай. Безошибочное предчувствие того, как одна с виду неподходящая деталь пазла встает на свое место.

– Вот он. Ну что я говорила! – в руках Малин держала телефон. – Эй! Прием.

Фабиан поднял глаза и встретился с ней взглядом.

– Что это? Ты что-то нашел?

Фабиан кивнул.

– Думаю, его здесь не было.

– Кого? Гримоса? Конечно, он здесь был. Посмотри-ка, – она помахала перед ним мобильным.

– Чтобы окончательно убедиться, я должен снова просмотреть вчерашние съемки с камеры наблюдения.

– Подожди, я не понимаю. Как ты можешь... – Она поняла, что продолжать бесполезно, и замолчала.

Фабиан уже вышел из ванной и направлялся к выходу.

Софи Леандер поняла, что, наверное, в кои-то веки крепко спала. До этого она всегда сразу же просыпалась, как только слышала приближающиеся шаги или голоса. Каждый мускул ее тела был напряжен до крайности, а в голове она прокручивала фильм, где в подробностях показывали, что ее ожидает.

Она была уверена, что это произойдет.

Но каждый раз шаги проходили мимо и стихали, и она могла еще немного пожить взаимы.

До этой минуты.

На этот раз все было по-другому.

Она почему-то не слышала ни шагов, ни голосов.

Ее разбудил звук электродвигателя и скрип входной двери. В отличие от всех других раз ее тело было спокойно и расслаблено. Словно оно так долго находилось в напряжении, что у него больше не было сил бояться.

Но Софи боялась.

Смертельно боялась.

Она услышала, как дверь-жалюзи снова опустилась и как щелкнули замки на кейсе. Затем что-то звякнуло на металлическом столе наискось за ней. «Скальпели и зажимы», — подумала она и попыталась остановить фильм, который снова и снова показывал, как она наблюдает за тем, что ее вскрыва-

вают.

Она попыталась повернуть голову, чтобы увидеть, тот ли это врач, который привез ее сюда, но сдалась, когда ремень на шее слишком глубоко врезался в рану. Не играет никакой роли. Ожидание закончилось, и пришло время поставить точку.

Вокруг нее включились аппараты и принялись издавать различные звуки. Ремень, стягивавший ее левое запястье, ослаб, и она почувствовала, как к предплечью прижимаются холодные ножницы, которые разрезают рукав блузки. На сгибе руки кольнуло, и через несколько секунд она провалилась в сон, который стер все ее мысли.

Слишком рано, хотя ожидание казалось почти бесконечным.

Софи надеялась, что успеет что-то сказать. Что со рта снимут скотч и она хотя бы сможет извиниться и объяснить, что все это время знала, что совершила ошибку, но у нее не было выбора. Что хотя она очень боится, она принимает свое наказание и в каком-то смысле считает, что это более чем справедливо.

Но ей не дали даже этого.

– Пять минут, потом вам надо будет уйти, – сказал охранник и кликнул на ссылку с видеозаписью. – О'кей?

Фабиан с Малин кивнули. Пока они ждали, что человек в форме оставит их одних, они смотрели в окно, за которым Полиция безопасности рьяно искала тело Гримоса на дне пролива Риддарфьерден прямо рядом с набережной Кансликайен.

Они находились в маленькой комнате для персонала за будкой охранника в Депутатском здании. Они выдержали жесткую борьбу за то, чтобы получить доступ к записи с камеры наблюдения, где видно, как министр юстиции выходит из здания. Полиция безопасности не только присвоила записи гриф секретности, но и предупредила ответственных за безопасность, что, возможно, придут из Государственной криминальной полиции и станут задавать вопросы.

Они только не учли Малин и перепады ее настроения, которые могут сломать кого угодно, если она не получит свое.

Фабиан включил запись. Показалось пустое фойе с двойными стеклянными защитными дверями. Когда в кадре появился Карл-Эрик Гримос, Фабиан увидел то же самое, что и в Полиции безопасности накануне вечером. Министр юстиции идет один, в левой руке он держит портфель с документами, а правой прикладывает пропуск к считывающему

устройству, отодвигает одну дверь, потом другую и исчезает в снежной вьюге.

Как Фабиан и подозревал, разгадка все время была у них перед глазами. Они только не знали, на что смотреть. Портфель в левой руке, манипуляция с пропуском правой.

Так делает правша.

Но наклон сделанных от руки записок в ежедневнике не даст соврать.

Как и жена Фабиана Соня, Карл-Эрик Гримос был левшой.

Фабиан повернулся к Малин.

– Видишь? Этот человек правша.

– Получается, это вовсе не министр юстиции, а кто-то, переодетый в него.

Фабиан кивнул.

– Вероятно, преступник. – Он опять включил запись с самого начала и стал показывать кадр за кадром. – Видишь? Он точно знает, где находится камера и как ему двигаться, чтобы не показывать лицо.

– Но если это преступник, то где тогда находится министр юстиции?

Фабиан встретился с Малин глазами.

– Не знаю. Но если никто не видел, что он выходит из здания через другие выходы, нельзя исключать, что он по-прежнему здесь.

«Нанна Мадсен – 21 год, 5 декабря 2005 г., мусорный контейнер в Херлеве

Сильные кровоподтеки после следов от укусов на больших участках спины, груди и нижней части тела. Анализ отпечатков зубов показывает укусы и преступника, и собаки, вероятнее всего доберман-пинчера. Зафиксированные следы преступника отсутствуют.

Кими Колдинг – 17 лет, 23 апреля 2007 г., озеро Пейблинге

Повреждения в нижней части тела после грубого проникновения. Сломаны обе челюсти, что наряду с несколькими открытыми переломами черепной кости указывает на сильную травму головы, вероятно, полученную от удара молотком. Вода в легких свидетельствует о том, что, несмотря на повреждения, она была в сознании, когда ее бросили в озеро. Зафиксированные следы преступника отсутствуют.

Метте Бруун – 37 лет, 7 сентября 2008 г., Амагер Фэллед, природный заповедник

Разорванные анальное отверстие и толстая кишка, а также сильные внутренние повреждения, идущие от

нижней части тела до самого желудка. Вероятно, в результате проникновения толстой ветки или начиненной гвоздями биты. Зафиксированные следы преступника отсутствуют».

Дуня Хоугор положила папку на стол, откинулась на диване и закрыла глаза. Ей надо было перевести дух после всех этих снимков женских тел, изувеченных в результате проникновения. Эти тела взывали к справедливости, которую они никогда не получают.

Вместо этого ей в голову пришел Слейзнер. Она едва успела сесть за свой рабочий стол, как он пришел, поздоровался и попросил ее заглянуть к нему в кабинет после окончания рабочего дня. И тут наконец пелена спала. Все тело словно пронзило острой болью – до нее наконец дошло, чего он в действительности добивается. Меньше всего его интересовала ее компетенция.

Теперь, задним числом, она не могла понять, как не замечала того, что так очевидно остальным. Это словно неудачная шутка, и ей ничего не остается, кроме как показать всем, как же они ошибаются.

Поэтому сейчас она лежала дома на диване на улице Блогордсгаде и работала, хотя рабочий день уже закончился. Она принесла с собой материалы самых тяжких случаев изнасилования, по-прежнему нераскрытых. Микаэль Реннинг из отдела информационных технологий помог ей отсортировать дела из архива, хотя не обладал полицейскими полно-

мочиями. Но ей был нужен союзник. Кто-то, кто не имел ни малейшего отношения к ее отделу.

Как бычок на лугу, он бросился на поиск со всей энергией. Но по мере того как принтер выплевывал расследования, одно страшнее другого, настроение у него ухудшалось, и когда он наконец понял, как много в мире изощренной злобы, заявил, что его вера в человечество подорвана.

Сама Дуня совершенно не была удивлена. Ни грубому насилию, ни тому факту, что преступник в большинстве случаев – мужчина, а жертва – женщина. Нет, ее удивило лишь количество расследований, не приведших к результату, и то, насколько простым представляется решение не тратить ресурсы и пустить дело на самотек.

Похоже, список замороженных расследований по делам об изнасиловании можно было продолжать до бесконечности. Попросив Реннинга отобрать только дела со смертельным исходом, она принесла домой свыше дюжины дел за последние четыре года. И то они ограничились береговой линией от Кеге до Хельсингера.

Это означало три случая в год, когда невинные женщины подвергались таким мучениям, что смерть, должно быть, воспринималась как спасение. Три расследования, которые, согласно заведенному порядку, закрывали, хотя преступник продолжал оставаться на свободе. И так каждый год.

Дуня посмотрела в окно на свинцово-серые облака, которые двигались по небу, словно собирались вызвать еще од-

ну бурю и разогнать остатки дневного света. Снимки разрубленного тела Карен Нойман не давали ей покоя, смешиваясь с облаками. Во многих отношениях это было такое же безрассудное и одновременно изощренное насилие, что и в старых расследованиях, и, как она сказала на совещании, за содеянным стоит не новичок. Кем бы он ни был, он делал это не первый раз.

Карен Нойман просто была еще одной жертвой погони за кайфом.

Но сколько бы Дуня ни искала, она не могла найти никаких соответствий какому-нибудь старому расследованию. Она испробовала все. Рассортировала дела по различным критериям, несколько раз прочитала детальные описания повреждений, а также изучила каждый снимок изувеченных тел под лупой. Но ничего не тянуло на возможное соответствие.

Семь дел Дуня вскоре отложила в сторону. У четырех из них было так много общего, что они сами по себе образовали группу. К тому же там имелся подозреваемый. К сожалению, ему удалось лишить себя жизни до суда.

Остальные три, без сомнения, тоже составляли группу. Там преступник брал трофей в виде скальпа, и, согласно отчету Оскара Педерсена, обилие крови из срезанной с головы кожи свидетельствовало о том, что жертвы во всех трех случаях были живы во время самого процесса. Кто бы ни стоял за зверскими действиями, он все еще находился на свободе.

Но сейчас она искала не его, хотя пообещала самой себе, что возобновит расследование, как только у нее будет время, и проследит за тем, чтобы это чудовище схватили.

На придиванном столике оставались лежать пять дел.

Пять расследований, которые официально велись, но в реальности были заморожены.

Везде проявлялось такое грубое и изощренное насилие, что, как и в случае с Карен Нойман, за этим не мог стоять новичок. Вместе с тем, все пять случаев заметно отличались друг от друга. Казалось, одно с другим никак не соотносится. Не только жертвы были разного возраста и выглядели поразному, но и места преступления сильно разнились. Не говоря уже о различных способах действия.

Каждый случай был словно уникальным одноразовым явлением. Преступник, который единственный раз перешел грань и самым зверским образом изнасиловал и до смерти замучил свою жертву, а потом вернулся к своей нормальной жизни, не оставив после себя никаких следов или неопровержимых доказательств. Это было невозможно. Где-то есть общий знаменатель. В этом Дуня была уверена.

Ее мысли прервал мобильный. Звонил Кьель Рихтер, и она попыталась говорить как можно более серьезным тоном, хотя на самом деле испытала настоящее облегчение, что он обратился к ней, а не к Хеску. Согласно компании «Scandlines», паромы которой курсировали между Хельсингером и Хельсингборгом, прошлой ночью две машины снес-

ли ворота на выезде из паромного терминала. Къеля Рихтера послали туда для выяснения.

– Привет, Къель. Ты еще в Хельсингере?

– Дуня, я к тебе хорошо отношусь. Но заруби себе на носу. Ты слишком много на себя взяла и рискуешь надорваться. И что бы ты ни делала, когда это произойдет, на меня не рассчитывай.

– Къель, послушай меня. Это идея Слейзнера. Я так же мало понимаю, как и...

– Я в это не вмешиваюсь. Я собираюсь выполнять свою работу, но только и всего. Так и знай.

– Конечно. Я слышу, что ты говоришь, – сказала Дуня, глубоко вздохнув. – Но я думаю, ты позвонил не только для того, чтобы сказать, что ты еще одна курица, которая кудахчет в курятнике, но и немного рассказать о том, что ты сделал.

– А?.. Что?

– Что слышал, – сказала Дуня. – Ну? Ты что-то нашел? Если нет, я хочу...

– Я уже доложил все Яну и просто говорю, что еду домой.

– Но разве ты не должен докладывать мне? Слейзнер ведь более чем ясно это объяснил.

– Меньше всего я хочу оказаться между двух огней...

– Къель, ты сказал, что будешь выполнять свою работу. Так давай, выполняй, и все будут довольны.

В трубке замолчали, и Дуня буквально слышала, как Рих-

тер взвешивает все «за» и «против».

– Я не помню, кому из вас это пришло в голову, но нет сомнений, что шведская машина и «БМВ» Ноймана были в паромном терминале и снесли ворота, выезжая из него.

Дуня встала с дивана.

– А потом? Куда потом ведут следы?

– Прямо на улицу Фэргевей. Но там уже давно все изъездили и убрали снег.

Дуня подошла к окну и убедилась, что снег опять стал кружить. Обычно она любила снег, особенно первый, который ложился на все серое чистым белым покрывалом, приглушал звуки и заставлял всех немного замедлить ход. Но не сейчас. В этот раз непогода означала только борьбу со временем. Каждая выпавшая снежинка помогала стирать следы и уменьшала возможность выяснить, что произошло на причале Хельсингера.

– Для твоего сведения: я зафиксировал все, что только можно. Теперь мне надо ехать.

– Кьель, подожди. Там у тебя тоже пошел снег?

– Он так и валит, и если я скоро не уеду, я не смогу вовремя забрать детей.

– Но я хочу, чтобы ты остался и...

– Как так остался? Четверг – единственный день, когда я забираю детей. Если я этого не сделаю, Софи все выходные не будет со мной разговаривать.

– Ничего не поделаешь. Я хочу, чтобы ты доделал дело до

конца.

– Я уже все сделал! Ты что, плохо слышишь?

– Ты не закончил, пока я не сказала, что ты закончил.

Послышалось, как Рихтер издал тяжелый продолжительный вздох и собрался с духом.

– Ты думаешь, я не понимаю, чем ты занимаешься? Думаешь, я, черт возьми, не вижу, что ты...

– Ради бога, кто ведет следствие – я или ты? Делай, как тебе говорят, иначе будет поздно.

Наступила полная тишина, и Дуня поняла, что Рихтер, наверное, в таком же шоке от ее выходки, как и она сама. Она никогда ни на кого так не нападала. Даже когда была крайне возмущена Карстеном.

– Прежде чем ехать домой, ты поедешь дальше в северном направлении по улице Фэргевей и посмотришь, есть ли следы на обочине или машины свернули на какую-нибудь маленькую улицу.

– А какой в этом смысл, помимо того, что я опоздаю? Они могли, черт побери, поехать куда угодно, и у нас нет шанса...

– Делай, как тебе говорят, а не...

– Уже делаю.

– Хорошо. Как далеко ты продвинулся? – она быстро подошла к письменному столу под книжной полкой в углу, включила компьютер и вывела на экран порт Хельсингера.

– Я на площади Сташунспладсен, сворачиваю направо на улицу Хавнегаде и продолжаю ехать на север вдоль аквато-

рии порта.

– Хорошо, но тогда ты можешь видеть только с левой стороны, где стоят все дома, так ведь?

– Ты что себе думаешь? Это все равно что искать иголку в стоге сена – иголку, сделанную из сена. Но здесь много новых следов, поскольку снег валит как... Не знаю что. Но...

– Ты где сейчас?

– Еду более или менее вдоль порта и через какое-то время перееду улицу Нордре Страндвей.

– Поворачивай и поезжай в другую сторону.

– Что? Это почему? Там только портовая набережная.

– Делай, как тебе говорят, пока все опять не занесло снегом! Если будешь так тянуть, твоим детям придется ночевать в детском саду.

Дуня ждала какого-то протеста. Конечно, своей интонацией она дала понять, что шутит, но Кьель Рихтер славился тем, что не понимал иронии и совсем не обладал чувством юмора. До такой степени, что его коллеги по отделу начали называть его «шведом». Но он не смеялся даже над этим. Зато пошел к менеджеру по работе с персоналом и подал заявление о том, что его третируют, после чего созвали кризисное совещание.

– Кьель, последние слова – просто шутка. Разумеется, им не придется...

– Думаю, черт возьми, я нашел... Подожди.

– Что? Что ты нашел? Кьель, говори со мной. Где ты в

точности находишься?

– Ты видишь рельсы вдоль улицы Хавнегаде?

Дуня увеличила на экране рельсы, которые шли между дорогой и набережной.

– Да. Ты здесь?

– В том самом месте, где можно переехать рельсы и выехать на набережную. Подожди, я только... – Послышалось, как открылась дверь машины, и ветер сразу же перешел в наступление. – Ну и погода.

Но Дуня больше всего хотела оказаться там.

– Ты нашел следы?

– Это именно они. Одни следы от двойных шин, а одни от... Их занесло на набережную, и...

– Что? Что там? Кьель? Ты что-то нашел?

– Да. Пластмассовые обломки задней фары. Но что за чертовщина...

Дуня почувствовала, что от досады у нее начинает чесаться голова, и она готова накричать на него и приказать ему не молчать, а рассказывать то, что он видит. Но ей удалось взять себя в руки, и тишина прервалась только спустя несколько бесконечно долгих секунд.

– Значит, так, если я не вчера родился, то Нойман выехал за машиной с двойными шинами на набережную и наехал прямо на нее, так что она... Подожди, я только... Черт. По-другому и быть не могло.

– Что она? Кьель? Алле?

– Упала в воду.

– Ты считаешь, что шведская машина должна лежать где-то на дне в акватории порта?

– Я в этом уверен.

– Означает ли это, что преступник тоже попал в воду?

– Возможно. Или нет. Не знаю. Здесь много человеческих следов, но уже выпало столько снега, что непонятно, это следы одного человека или нескольких.

– Хорошо, зафиксируй как можно больше, и завтра выйдем на связь. – Она закончила разговор и опять легла на диван, пытаясь собраться с мыслями.

Если Рихтер увидел на снегу следы, значит, Аксель Нойман бросился за преступником, придя домой и обнаружив свою жену мертвой в постели. Судя по всему, он преследовал шведскую машину всю дорогу до паромного терминала в Хельсингере, где его и обнаружили, после чего началась настоящая погоня на автомобилях, которая резко оборвалась на набережной.

Но тогда остается вопрос: куда делись Аксель Нойман и его «БМВ»?

Возможно, он скрывается, поскольку рискует, что его обвинят в убийстве преступника. Другой вариант – преступнику удалось выбраться из машины на поверхность. Или он вообще не сидел в машине, когда та съехала за борт, а стоял где-нибудь, спрятавшись, чтобы потом напасть на Акселя и лишить его и жизни, и машины.

Вполне возможный сценарий. Но на вопрос, вероятен ли он, сама Дуня однозначно ответила бы «нет». С вероятностью это и рядом не стояло. Но что-то подсказывало ей, что вероятность в этом расследовании будет занимать самое последнее место.

Шведский Риксдаг занимает семь различных зданий. Восточное и Западное здания Риксдага на острове Хельгеандсхольмен, а также Депутатское здание, пожарная часть, «Нептун», «Кефал» и «Меркурий» в Старом городе. Все здания связаны между собой подземными туннелями и охраняются посредством сотни камер. Так что двум охранникам, которые сидят в дежурной части на нижнем этаже в Западном здании Риксдага, есть за чем наблюдать. Но учитывая общую площадь, количество переходов и помещений, а также высокопоставленных политиков, которые ежедневно бывают в зданиях, можно сказать, что весь комплекс фактически не охраняется. Если знать, где находятся камеры, можно без особых проблем остаться невидимкой.

После примерно двухчасового просмотра различных съемок, сделанных камерами наблюдений, Фабиану, Малин и одному из двух охранников в дежурной части удалось опознать министра юстиции, когда он выходил из зала пленарных заседаний через четвертый выход. В нижнем левом углу часы показывали 14:42, и они отчетливо увидели, что Гримос остановился, чтобы надеть пальто с меховым воротником, а потом направился к эскалатору.

– Ты видишь? Ты видишь, как он держит портфель в правой руке, а шляпу – в левой, – Фабиан показал на монитор,

где министр спускается вниз на эскалаторе, и Малин ничего не оставалось, кроме как кивнуть.

В следующий раз они увидели министра, когда тот решительным шагом шел по большому залу Центробанка, как зал называется по старинке, хотя Центробанк уже давно переехал на площадь Брункебергсторг. Министр по-прежнему держал портфель в правой руке, а левой рукой надевал шляпу.

– Это самый короткий путь до Депутатского здания? – спросила Малин. Охранник кивнул.

– Во всяком случае, он, похоже, собирался выйти, – заметил Фабиан, который в движениях министра не уловил ничего, что предвещало бы необычный день.

Ничего не изменилось в поведении министра и когда он шел по так называемой «беговой дорожке» – первой части подземного коридора, ведущего к зданиям канцелярии в Старом городе. Министр не проявлял ни нерешительности, ни нервозности, когда шел по переходу, бросая взгляд через окно на пролив Риддарфьерден, где Полиция безопасности нашла его мобильный, или кивая в знак приветствия другим членам Риксдага, которые шли ему навстречу. Скорее всего, он не подозревал, что скоро случится, что бы это ни было.

Это произошло через несколько секунд.

Таймер в левом нижнем углу показывал 14:45.

Сойдя с «беговой дорожки» в подземный зал, министр остановился на ходу и повернулся, как будто его кто-то по-

звал.

– Покажи это еще раз и увеличь изображение, – попросил Фабиан. Вскоре опять показались те же кадры, только увеличенные и гораздо более размытые. Несмотря на это, нельзя было не заметить вопросительное выражение на лице министра.

– А мы можем посмотреть это под другим углом, чтобы увидеть, кто его окликнул? – спросила Малин.

– Камеры расположены здесь только у дверей. Политики не особо любят, когда за ними наблюдают. Но дайте-ка мне... – Охранник стал пробовать различные ракурсы камеры. – Вот. Вот он, – сказал он и нажал на «плей».

На экране охранник с усами и жирком вокруг талии окликает министра и машет ему, когда тот идет в противоположном направлении. Министр сразу же поворачивается, подходит к охраннику и наклоняется вперед, чтобы расслышать, потому что охранник ниже него на голову.

– Здесь есть микрофоны? – спросил Фабиан.

– К сожалению, нет. – Охранник увеличил кадр, где министр, как видно, слушает и кивает.

– Ты знаешь этого охранника? – спросила Малин.

– Нет, но у всех на форме должен стоять номер удостоверения личности, хотя в данном случае его загораживает министр.

Министр опять кивнул, пошел за охранником и исчез из кадра.

– И куда они делись? – поинтересовался Фабиан.

– Не знаю. Но, похоже, они продолжают идти прямо в сторону пожарной части или «Нептуна», вместо того чтобы повернуть направо в сторону Депутатского здания. Но...

– Смени камеру. Мы не должны потерять их.

– Фабиан, это же не прямой эфир, – заметила Малин. – Все же записано. Разве нет? – Она повернулась к охраннику, который кивнул с улыбкой превосходства.

Но Фабиан несколько не успокоился. Это происходит здесь и сейчас. Прямо на их глазах исчез министр.

– Не понимаю, – охранник смотрел то на одни кадры, то на другие, причем некоторые были совершенно черными. – Похоже, часть камер... обрызгали спреем или чем-то в этом роде. Ко мне поступает тревожный сигнал о саботаже, только если кто-то перерезает кабель.

– Хорошо, покажи еще раз запись, где они появляются последний раз, и прокрути до 15:20.

Охранник кликнул на линейку времени на экране, и примерно через полминуты в кадре опять появился министр.

– Да, вот он. Он словно чем-то обеспокоен.

– Если это вообще он, – заметил Фабиан.

Дуня пыталась думать о чем-то другом. Но снимки никак не хотели ее отпускать. Фото всех этих изувеченных женских тел, которые, как отходы, швырнули на пол скотобойни. Всех разодранных женских лон, отрубленных голов и потухших взглядов. Эти снимки она проанализировала до мельчайших подробностей, отчаянно пытаясь уловить взаимосвязь с убийством Карен Нойман.

Проведя не один час на диване, она зашла в тупик и решила лечь спать. Но ее мозг не давал ей уснуть и продолжал работать самостоятельно. Услышав, как Карстен, придя домой после рождественского ужина, отпер и открыл входную дверь, она продолжала тихо лежать, надеясь на то, что, если достаточно хорошо притворится, в конце концов уснет по-настоящему.

Может быть, ей надо что-то сказать ему, а не лежать и притворяться. Объяснить, что это не очень хорошая идея, потому что ее голова сейчас занята прокручиванием снимков, на которых одну женщину за другой сначала насиловали, а потом распиливали, раскалывали или резали на куски.

Но вместо этого Дуня продолжала притворяться. Продолжала предоставлять ему свободу действий. Чем Карстен не замедлил воспользоваться.

Если он решался, такие аргументы, как усталость или го-

ловная боль, не срабатывали. То, что у нее нет никакого желания, его тоже не останавливало. Наоборот, он был уверен, что этому легко помочь, если он будет энергично тереть свой палец о ее клитор. Надеясь, что ее мозг получит так необходимую ему передышку, Дуня позволила Карстену войти в себя.

К сожалению, это не помогло.

Но в глубине души она все же хотела. Во всяком случае, она хотела захотеть. Поэтому позволила ему совершать движения, ритмичные, как метроном. Она кивала и пыталась издать хоть какой-то стон, когда он, пыхтя ей в ухо, спросил ее, хорошо ли ей.

– Да, кстати, я забыл сказать тебе одну вещь.

– Что такое? Это так срочно? – спросила Дуня, пытаясь выкинуть из головы картины того, что начиненная гвоздями бита может сделать с женщиной.

– Да, иначе я забуду. На выходные мне надо будет поехать в Стокгольм. Вернусь не раньше вторника. – Он все глубже и глубже проникал кончиком языка в ее ухо, и Дуня подумала, что он, наверное, не понимает, какое при этом раздается шуршание.

– Я не совсем уверен, но насколько я понял, семинар посвящен новому способу расчета кредитной стоимости фирмы после слияния.

Дуня кивнула и позволила ему продолжать делать свое дело. Неужели речь идет о пяти совершенно разных преступ-

никах? Шести, считая убийцу Карен Нойман. Шесть различных мужчин, которые втайне готовились без предупреждения напасть на невинную жертву с изощренной злобой, а потом вернулись к своей совершенно нормальной жизни.

— Прости, что вчера я не хотел. Но знай: сейчас я собираюсь сделать все, чтобы компенсировать вчерашнее.

Дуня кивнула и попыталась не придавать значения тому, что у нее все высохло и защипало. Она вспомнила, сколько раз они занимались сексом, когда только познакомились. Они делали это везде и несколько раз в день. Все крутилось вокруг их любви. Она ходила, постоянно испытывая возбуждение, и они испробовали все возможные и невозможные позы.

А теперь она не знала, как назвать то, чем они занимаются. Во всяком случае, это не секс. Хотя она только и слышала, что с годами это становится глубже и интимнее. В их случае это стало только хуже и до такой степени однообразным, что любая поза, отличная от миссионерской, считалась преступлением.

Если бы он хоть раз удивил ее чем-то неожиданным. Что угодно, только не монотонные фрикции. Если бы он просто двигался не так равномерно, или, еще лучше, вышел бы из нее и стал ласкать ее языком. Сколько уже они этим не занимались? А потом, может быть, поставил ее на четвереньки и взял бы ее... Вот оно что, вот где связь. Внезапно Дуня так четко представила себе это, что не могла понять, почему не

подумала об этом раньше.

– Что такое? – Карстен остановился на ходу.

– Ничего. Продолжай.

Общим знаменателем было само изменение. Как она и все остальные могли это не заметить? Разумеется, это один и тот же преступник. Он просто не хотел делать два раза одно и то же. Если он стремился словить кайф, у него не было другого выбора, кроме как каждый раз придумывать новый, а лучше всего еще более садистский способ.

Дуня снова притворилась. Теперь чтобы закончить. Через две минуты Карстен перекатился на свою сторону, довольный своими достижениями, и она смогла встать с кровати.

– Любимый, я скоро приду. Я просто должна кое-что сделать.

– Хорошо, обещаю никуда не уходить. Только знай: я еще не полностью закончил, – сказал Карстен, схватившись за свой член.

– Я быстро, обещаю, – ответила Дуня, натянув кимоно и исчезнув из комнаты, прекрасно понимая, что он много раз успеет заснуть, прежде чем она освободится.

– Эти здания – одно называется «пожарная часть», а другое «Нептун» – самые маленькие корпуса, – сказал крупный и уже запыхавшийся охранник, спеша по подземному проходу, проложенному прямо в старой городской стене. Одновременно он руководил остальным личным составом по рации. – И если они действительно пошли сюда, мы должны его скоро найти.

Фабиан и Малин шли за ним следом в том направлении, в котором исчез министр и таинственный охранник. Быстрым шагом они двигались по лабиринту переходов, старых подвальных сводов и тесных лестниц, что вели к двум канцелярским зданиям. С каждым шагом росло чувство, что они все ближе к цели. словно у них прибавилось энергии, когда охранники разделились между двумя зданиями и стали осматривать одну комнату за другой.

Но почти шесть часов непрерывных поисков не принесли никаких результатов. Им не удалось найти даже следа того, что случилось с министром юстиции. Сил становилось все меньше, а версий того, что могло случиться, все больше. Почему министр не мог просто исчезнуть через другой выход, переодевшись в кого-то другого? А может быть, в кадре записи, снятой камерой наблюдения, все же он?

Фабиану становилось все труднее мотивировать дальней-

шие поиски, и спустя еще час, когда время приближалось к полуночи, операция прекратилась. По мнению ответственного охранника, теперь совершенно ясно, что министра здесь нет. К тому моменту они несколько раз прочесали оба здания и подвальные своды и не нашли даже намека на то, что министр может внезапно возникнуть только потому, что они сделают это в четвертый раз.

Фабиан хотел было усомниться, действительно ли они все обыскали, но его остановила Малин, отведя в сторону.

– Фабиан, я знаю, что это не в твоём духе. Но ты не допускаешь, что в их словах что-то есть? Что они, как это ни удивительно, даже правы?

– Ты тоже считаешь, что его здесь нет?

Малин пожала плечами.

– Понятия не имею. Что-то случилось там с тем охранником, я в этом уверена. Но это не значит, что министр обязательно здесь. Я хочу сказать вот что: если охранник вышел в одежде Гримоса, сам Гримос с тем же успехом может ходить где угодно в одежде охранника. Разве нет? Мы это не обнаружим, сколько бы записей с камеры наблюдения мы ни посмотрели.

– Обнаружим. Форма охранника была бы Гримосу мала.

Малин вздохнула и покачала головой.

– Малин, если Гримос сам пошел на это, я с тобой согласен, – продолжил Фабиан. – Тогда мы могли бы прекратить поиски несколько часов назад. Но это не так. Ты ведь сама

видела, что он идет к своей машине, когда его внезапно окликает охранник. До этого он понятия не имел, что его ждет. К тому же здесь нет ни одного неохраняемого выхода, так что независимо от того, покинул ли он одно из зданий добровольно или не добровольно, мы должны были это увидеть.

– Тогда твое объяснение?

Фабиан пожал плечами.

– Не знаю. Они, наверное, не везде искали.

– Нет, везде. К тому же три раза.

Фабиан ничего не сказал. Не было никакого смысла. Если он не согласится прекратить поиски и ему не покажут ближайший выход, скоро на него накинута и Полиция безопасности, и начальник Главного полицейского управления. Просто он не мог избавиться от ощущения, что близок к разгадке. Нет никакого сомнения: министр стал жертвой преступления. И чем больше он об этом думал, тем больше понимал, что само место располагает к нанесению удара. Даже если здания Риксдага охраняются, по иронии судьбы именно министр юстиции наименее защищен. Это оказалось роковой ошибкой со стороны Полиции безопасности – считать, что в течение тех немногих часов, когда он должен был участвовать в депутатских дебатах и дойти до машины, можно сэкономить на личной охране.

Охранник отвлек внимание министра, завел его в слепую зону и спустя немногим более получаса вернулся в одежде министра. Это точно. Что случилось потом, совершенно

неясно.

Или министр все еще находится в одном из зданий Рикс-дага, или он попал в чьи-то руки, и этим людям каким-то образом удалось вывести его на улицу так, что это не попало ни на одну камеру наблюдения. Значит, остается риск, что его обнаружат. Именно поэтому очень многое говорит за то, что он в здании.

Но где?

В каком-то помещении, которое они проглядели. В помещении, которое никогда не использовалось и мимо которого все шли, не задумываясь о его существовании.

– Ну ладно, тогда мы благодарим вас и желаем вам удачи, – сказал охранник и повел их к фойе.

Они пожали друг другу руки.

– Вполне возможно, что мы опять обратимся к вам, – сказала Малин и вышла.

Если бы речь шла о здании полиции, Фабиан точно бы назвал комнату. По закону такая комната должна быть на всех крупных предприятиях, но ею никогда не пользуются.

– Фабиан? Очнись, мы уходим, – сказала Малин.

Фабиан кивнул и пошел с Малин к выходу, но снова остановился и повернулся к охраннику.

– Комнаты отдыха. Вы смотрели в комнатах отдыха?

– Комнаты отдыха? У нас нет таких комнат, – ответил охранник со смехом.

– Ты совершенно уверен?

– Да, я знаю каждый закоулок, и что бы люди ни думали о политиках, во всяком случае, они не отдыхают.

– О’кей, это просто предположение, – сказал Фабиан и повернулся, чтобы выйти.

– Подождите... Там, за всеми этими старыми проекторами в сводах под зданием «пожарной части». Конечно... – Лицо охранника побледнело. – Почему я об этом не подумал?..

– О чем? – спросил Фабиан, но ответа не получил.

Охранник уже устремился вперед с такой скоростью, что Фабиан и Малин едва за ним поспевали.

– Ты шутишь? *Ты знаешь, который сейчас час?* – раздался голос Микаэля Реннинга на другом конце провода.

– Да, знаю. И я не шучу, – сказала Дуня, забравшись на диван с мобильным. – Но ты один можешь мне помочь. Ты где? Далеко от работы?

– Нет, Бену что-то помешало. Причем «помешало» я беру в кавычки. Конечно, я знаю, что у нас открытые отношения и т. д. и т. п. Но... Согласись, что это дурной тон.

– Разумеется. Но послушай, ты где?

– Здесь, и играю в Sims.

– Где? На работе?

– Да, но сейчас я как раз собирался в бар Cosy Bar, и знаешь, что я думаю там делать?

– Нет, но могу себе представить. А ты не сможешь мне помочь до того, как уйдешь с работы и отомстишь Бену? Кстати, его действительно зовут Бен?

– Да, но большинство называют его Биг Бен.

– Но не ты.

– В таком случае он Большой-но-не-больше-меня-Бен. Но бог с ним, с этим голубком. Какая тебе нужна помощь?

– Эти случаи, которые ты для меня отобрал. Я думаю, что в нескольких фигурирует один и тот же преступник.

– Как так? Помимо тяжкого насилия, между ними нет ни-

чего общего.

– Я знаю. В этом-то все и дело. Ему становится скучно. И чтобы снова и снова словить такой же кайф, каждый раз ему приходится придумывать что-то новое и изобретать колесо. Ты меня понимаешь?

– И что ты от меня хочешь?

– Чтобы ты сделал новый поиск за предыдущий период.

– За какой период?

– За десять-пятнадцать лет. Это необязательно должны быть случаи со смертельным исходом. Достаточно изнасилования, а еще лучше попытки изнасилования. Ведь какой-то раз был первым.

– Таких случаев будет сколько угодно.

– Пожалуйста, сделай, как я прошу.

– Слушаю и повинуюсь.

– Извини, я не хотела...

– Ничего страшного. Но если мы, не дай бог, окажемся в одной постели, ну, ты знаешь, на каком-нибудь рождественском вечере или чем-то в этом роде, плеть держу я. О'кей?

– Конечно, обещаю, – сказала Дуня со смехом. – Позвони, как только будешь готов. Я все равно не засну.

– Не надо. Они уже у меня.

– Ясно, и сколько их?

– Я же говорил: сколько угодно.

– Это трехзначная цифра?

– О да.

Дуня отставила мобильный, чтобы он не услышал ее вздоха. Микаэль Реннинг полностью прав. Изнасилования или попытки изнасилования случаются так часто, что если скоро эта тенденция не изменится, это станет обычным способом для мужчины приблизиться к женщине. Им нужно нечто большее, что отличает ее преступника от всех остальных. Какая-нибудь маленькая деталь, которую можно задать в поиске, а потом связать с одним из предыдущих случаев.

Она села на диван и посмотрела на материалы пяти следствий, лежащих рядом на столике. В который раз, она уже сбилась со счета.

– Алле? Ты здесь?

– М-м... – пробормотала она и поняла, до чего же устала.

Ей надо бы отпустить Реннинга в бар, а самой пойти и лечь спать. Карстен наверняка уже уснул. Но ее никак не отпускало чувство, что она напала на след, и это чувство все равно не даст ей сомкнуть глаз. Дуня зацепилась взглядом за расследование, где жертву Нанну Мадсен нашли в мусорном контейнере в Херлеве с сильными кровоподтеками от глубоких укусов.

– Послушай, а если в поиск включить собаку?

– Собаку? Какую еще собаку?

– Добермана, доберман-пинчера, бойцовскую собаку или просто собаку.

Дуня услышала, как щелкают клавиши – это Реннинг задавал новый поиск.

– Тогда бинго! 14 июня 2004 года некая Майкен Брандт подала заявление в полицию о попытке изнасилования, когда преступник, в частности, натравил на нее агрессивную собаку. И согласно ее показаниям, это был именно доберман-пинчер.

– Она смогла его опознать?

– Да, она видела его несколько раз в их районе и смогла опознать его и дать против него показания.

– И?

– Бенни Виллумсен, тридцать шесть лет. Был осужден на два года, но уже через год его освободили.

– Ты можешь точно сказать, когда он вышел из тюрьмы? –
Дуня достала дело об убийстве Нанны Мадсен и увидела, что оно произошло 5 декабря 2005 года.

– 17 июля 2005 года.

– Через полгода.

– После чего?

– Я хочу, чтобы ты провел такой же поиск, как и предыдущий, только за период с 17 июля до 5 декабря 2005 года.

– В этот период произошло три разных случая. 15 августа, 23 октября и 4 ноября, и в двух последних случаях речь идет о завершенных изнасилованиях. Но все три расследования были закрыты по причине нехватки доказательств.

– И 5 декабря он доходит до конца и лишает свою жертву жизни. Это он. Это наверняка он. Сделай поиск и посмотри, где он живет.

– Я уже сделал, но, похоже, он нигде не зарегистрирован.

– Ты проверял какого-нибудь другого Виллумсена? Например, его родителей или других родственников.

– У него нет ни братьев, ни сестер, а оба родителя умерли. Но он мог уехать за границу.

– Точно... И как я об этом не подумала? Попробуй поискать в Швеции.

Дуня опять слышала, как пальцы Реннинга стучат по клавишам. Но она почему-то уже успокоилась и, услышав ответ, не удивилась. Словно где-то в самой глубине этого хаоса мыслей все время знала.

– Вот он. Улица Консультгатан, 29, Мальме. Третий этаж.

– Спокойно, не забывай, что я беременна, – попросила Малин. Она с трудом поспевала за Фабианом и охранником, который, несмотря на свои габариты, пробирался по подземным переходам, как проворная собака-ищейка. Пройдя мимо нескольких закрытых туалетов, они свернули налево и пошли по ответвлению коридора, которое заканчивалось тупиком. Тут охранник наконец остановился, перевел дух и показал на пятьдесят списанных проекторов, нагроможденных один на другой как памятник техническим достижениям.

– Здесь должна быть дверь.

Фабиан и охранник стали переносить каждый проектор по отдельности, но скоро поняли, что некоторые специально поставлены так, чтобы их можно было легко отодвинуть. Они расчистили узкий проход, который вел к закрытой двери с табличкой с изображением кровати.

Обязательная комната отдыха, которой никто никогда не пользовался из-за нехватки времени. Во всяком случае, до сих пор, подумал Фабиан и нажал на ручку.

Если бы не металлический запах крови, их бы совсем не удивила представшая перед ними картина. На кровати – помимо нее, маленького столика и напольной лампы в комнате ничего не было – с закрытыми глазами на спине под одеялом лежал министр юстиции. Но, несмотря на явный запах, кро-

ви нигде не было видно, констатировал Фабиан, когда включил свой мобильный и направил свет на светлое ковровое покрытие на полу.

– Он жив? – спросила Малин, протискиваясь вперед к Фабиану.

Фабиан нажал пальцами на сонную артерию и покачал головой. Тело успело остыть, а трупное окоченение почти полностью прекратилось, – значит, он мертв примерно сутки.

– Я чувствую запах. А ты? – Малин закрыла дверь, чтобы охраннику не пришло в голову войти.

Фабиан кивнул. Он откинул одеяло с голого тела, и стала ясна причина запаха. На животе, вскрытом и провалившемся, зияла большая дыра.

– Боже мой, что случилось? – Малин прошла вперед и встала рядом с Фабианом, который осветил большую полость величиной в несколько десятков сантиметров, в которой не было никаких внутренностей.

– Из него вынули все внутренние органы, – сказал Фабиан. – Кишки, печень, почки... Насколько я могу судить, ничего нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.